

18+

СЛЁЗЫ ОСИРИСА

СЕРГЕЙ ПРИЧИННИН

Сергей Причинин
Слёзы Осириса

«Издательские решения»

Причинин С.

Слёзы Осириса / С. Причинин — «Издательские решения»,

Трагическая ошибка погубила семью Первого визиря. Царская опала закрыла все двери. Его сыновья хватаются за любую работу, но вскоре понимают: выжить можно лишь одним способом — стать теми, кого проклинаят. Расхитителями гробниц. Среди мёртвых есть усыпальница проклятой жрицы, чья злая воля уже целый век тяготеет над Египтом. Место, которое не покорилося никому. Братья знают: каждый, кто входил туда прежде, погибал. И всё же они решаются бросить вызов той, кто никого не отпускала живым.

© Причинин С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ I Красный прилив	9
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	43
ЧАСТЬ II Золотая дверь	64
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Слёзы Осириса

Сергей Причинин

От автора

© Сергей Причинин, 2026

ISBN 978-5-0070-9419-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В романе тронные имена представлены в эллинизированном варианте. Подобному упрощению подверглась и титулатура. В тексте сочетаются древнеегипетские названия и современная общеупотребительная терминология, включая слова и понятия, возникшие значительно позже описываемых событий или пришедшие из других языков. Такое сочетание призвано сохранить колорит эпохи, не затрудняя чтение.

Некоторые описанные в книге обычаи, общественные нормы и семейные традиции могут отличаться от современных представлений о морали и допустимом поведении. Реальные исторические личности, события и религиозные представления свободно переосмыслены и изменены в интересах повествования; приведённые в тексте взгляды и поступки персонажей не отражают позицию автора.

Также в романе присутствует сюжетная линия, связанная с зависимостью от вымышленного лекарственного средства. Описанные симптомы и последствия зависимости значительно гиперболизированы и являются частью авторской реконструкции. Их не следует воспринимать как медицинское описание или достоверное отражение реалий Древнего Египта.

Пролог

Тени от масляной лампы плясали на стенах. В воображении Ранфера восставали образы давно умершей жрицы, перед которыми древние демоны казались детскими страшилками. Его знобило, по спине бегали мурашки. Рука тряслась, отчего пламя вырисовывало ещё более витиеватые фигуры.

Он прикидывал, сколько капель уже упало в часах. По его расчётам, пора было бежать наружу.

— Нет, меня не позвали. Ещё чуть-чуть. Ещё немного — и позовут, — убеждал себя мальчик.

Но снаружи молчали. Ни звука, ни шороха. *«А может, пришли стражники Долины и всех разогнали? Да, это точно стражи!»*

— Проклятье! Атон, помоги встретиться с тобой. Хотя бы ещё раз! — умолял он.

Сам не зная зачем, Ранфер подошёл к широкому ритуальному колодцу и осветил лампой. Бесконечная тьма, уходящая в недра гробницы, напугала его ещё больше. У него даже закружилась голова. Словно в насмешку в лампе закончилось масло, и мальчик остался в полной темноте.

Ранфер начал потихоньку продвигаться к выходу. Наощупь перебирая руками по стенкам колодца, осторожно ступая, он направился к входной шахте. В этот момент раздался крик:

— Ранфер! Выходи!

Мальчик облегчённо выдохнул и ускорил шаг. Несколько поворотов, тяжёлый подъём по восходящему коридору и вот перед ним толпа детей с такими же лампами. Девочки стояли, сцепив руки в замок, мальчики весело переговаривались, пытаясь скрыть страх, который не отпускал.

— Ну как? — спросил Снофру. — Я же говорил весело! А вы не верили. Что с лампой?

— Масло закончилось, — ответил Ранфер.

— Так ты стоял в темноте?

— Нет, она погасла только что, — трясущимися руками мальчик подливал масло.

— Мог бы сказать, что миловался с Нехбет в полной темноте. Тебе в отличие от меня бы поверили.

— Да, он её перед выходом задул, чтобы казаться смелее, — раздался голос из толпы.

Предположение тут же подхватили смехом. Ранфер промолчал. Он ещё не отошёл от «игры», в которую его увлекли товарищи. Снофру с ухмылкой обмеривал мальчика взглядом, особенно наслаждаясь вспотевшим лбом и прилипшим к телу хитоном.

— Кто следующий?

— Я, — нехотя сказал низкорослый Септах.

— Пойдёшь? Или трусишь?

— Ещё чего!

Септах проверил масло, поправил фитиль и отправился в темнеющий провал. Едва он пересёк порог, как Снофру перевернул водяные часы. Всех испытывали одной мерой.

Ранфер бродил туда-сюда, изредка косясь на обеспокоенных сестёр — Нитокрис и Афири. Его мутило, и он никак не мог искоренить из сердца ощущение ужаса.

Снофру крикнул:

— Септах! Выходи.

— Удивительно, как идёт время. Здесь вообще не замечается, — выпалил худой парнишка, который собственную «меру» не достоял.

— А внутри кажется, будто снаружи все о тебе забыли. Или вовсе умерли! — с азартом произнёс Снофру. — Все попробовали? Кроме девочек, конечно!

— Мы же должны от них отличаться, — вставил осмелевший Септах.

— Что ж. Это всё детские шалости. Хотите испытать настоящее приключение?

Девочки, разбившиеся по стайкам, закачали головами и начали расходиться.

— С вас спрос невелик. Ну что? — Снофру осмотрел десяток ребятишек. — Кто со мной?

— А что нужно делать?

— Коридор, где мы стояли... Я предлагаю пойти дальше. До ложного пола.

Септах замялся. Он ожидал другого «испытания», но не такого.

— Я слышал, там люди гибли, — затаённо произнёс мальчик, косясь на вход в гробницу.

— Никто там не погиб. Это все байки для маленьких детишек. Или ты мертвяков боишься?

— Не боюсь! — расправив грудь, ответил тот.

— Как говорит мой отец — бояться надо живых. А здесь и саркофага нет, гробница-то ложная. Как говорят искатели артефактов — для дураков.

— Все-то у тебя что-то говорят, — выпалил Септах.

— Трусишь? — давил Снофру.

— Нет!

— Кто со мной?

Один за другим к нему присоединялись дети. Только Ранфер стоял неподалёку. Новая затея не вызвала у него восторга. После недавней шалости он впервые задумался, что не всякая игра заканчивается смехом. Нитокрис стреляла глазами то на дверь, то на брата, то на Афири. Младшая сестра лишь качала головой. Озорные мальчишки в предвкушении нового приключения поняли недвусмысленный намёк.

— Трус! Трус!

— Мямля!

— Иди с девчонками!

Ранфера не трогали насмешки. Он уже переступил через себя однажды и не собирался делать это снова.

— Я не трус. Но я не пойду. Вы идите. Я вас здесь подожду. Верну родителям то, что от вас останется. Это же Нехбет! Она никого не отпускает живым.

Его слова произвели такой поразительный эффект, что он не ожидал. Дети переглядывались, кто-то отпрянул от Снофру, другие с опаской косились на гробницу. Медленно и неуверенно они потянулись к Ранферу.

— Ну, похоже в обществе трусов пополнение? Пройти до платформ и обратно. Всего-то! Я так уже делал. Много раз, — солгал Снофру.

Ребятня с виноватыми физиономиями снова потянулась к главному заводиле. Ранфер проиграл этот неравный бой и остался перед входом в зловещую гробницу. Снофру как предводитель компании повёл толпу дальше по коридору — в место, которое дети даже боялись обсуждать.

Сёстры Ранфера исчезли в аллее бараноголовых сфинксов. Мальчику стало жутко. Молодая луна почти не светила, масляная лампа коптила, давая больше дыма. Ранфер подумал, что, даже стоя в гробнице, было не так страшно и одиноко, как сейчас снаружи. Он перевернул часы и уставился на тонкую струйку воды.

Прошла мера — никто не появился, не издал ни звука. Ранфер перевернул часы, чувствуя, с каким трепетом в груди билось сердце.

— Да поскорее бы вы уже вернулись. И какой Сет вас туда понёс?

Прошло уже три меры. Вдруг до него донёсся крик. Потом ещё. Ранфер схватил лампу и бросился в проход. Он сделал всего пару шагов и остановился у шахты, ведущей к колодцу. В коридоре явственно слышалось могучее дыхание какого-то чудовища. Казалось, дышала сама

гробница, стенала, требовала убраться непрошенных гостей подальше. После очередного глубокого, хриплого вздоха эхом донеслись крики детей. Они верещали совсем не по-детски.

Ранфер бросился к выходу, ничего не видя из-за пелены слёз.

ЧАСТЬ I Красный прилив

Глава 1

30 лет спустя

Солнце вырвалось из-за горизонта и навалилось на Египет сухим зноем. Диск поднимался медленно, тяжело, будто сам Ра запряг в ладью тысячу быков. Небо обжигало синевой — ни облачка, ни намёка на ветер. Только море над песками дрожало, расплывалось, и от этого Фивы казались призрачными, ненастоящими.

Площадь перед главными воротами дворца заполнялась народом с самого рассвета. Люди прибывали семьями — мужчины в чистых набедренниках, женщины с детьми на плечах, стариков вели под руки внуки. Все хотели занять место получше, чтобы увидеть церемонию. Слуги фараона сновали в толпе с кувшинами прохладной воды — зной обещал быть жестоким.

Столица Египта, город ста врат, готовился к великому празднику. Он совпал с днём Великого Аписа, когда священный бык совершал ритуальный пробег вокруг храма Птаха. Но истинная причина была иной: визирь фараона Ранфер становился наместником. Мернептах передавал ему в управление Нижний Египет — все земли от Мемфиса до Средиземного моря, богатые пастбища, порты, через которые шла торговля со странами моря и запада.

Дворец оживал. Слуги сновали босиком по каменным плитам — ступни привычно находили прохладные места, огибали нагретые участки. Перетаскивали мебель, протирали вазы, в который раз перемывали серебро. Старший дворецкий покрикивал на молодых, но беззлобно, больше для порядка.

В центральном холле, заложив руки за пояс, стоял фараон Мернептах. Тринадцатый сын Рамсеса II, лишь недавно ушедшего в царство мёртвых. Ему было двадцать восемь лет, и он надеялся править так же долго, как и отец.

Мернептах нервно отбивал ритм пальцами по толстому браслету в такт бьющемуся сердцу. Рядом застыл квартет чёрных как обсидиан телохранителей-нубийцев с копьями.

Фараон ждал жену. Нитокрис приводила себя в порядок уже больше двух часов.

Царица сидела в резном кресле с подлокотниками в виде орлиных когтей. В одной руке она держала серебряное зеркало с ручкой из ливанского кедра, в другую служанка Мегара уже вкладывала кубок с разбавленным вином. Другая служанка — Асо, укладывала кистью на виске мазок сурьмой.

Нитокрис всматривалась в зеркало и не узнавала себя. Не черты лица — с ними всё было в порядке. Что-то другое, гадкое закралось во внешность. Тени под глазами, раньше не знакомые ей даже после бессонных ночей, лёгкая серость кожи, которую с трудом скрывали румяна. Она поднесла руку к лицу. Тёмные вены, проступившие под тонкой кожей, уже несколько недель не давали ей покоя. Нитокрис поджала губы.

— Ещё немного и бог Хнум признает во мне родственницу.

«Показалось», — подумала она и опустила руку в складки платья, которое в последнее время всё больше скрывало её тело.

Она зажмурилась, а после снова подняла глаза к зеркалу. Ей снова подмигивала задорная девушка. Нитокрис улыбнулась, постучала зубами, высунула язык и подразнила себя; после посерьёзнела и высоко задрала голову, изучая тонкую шею. Служанки словно не замечали детских шалостей. Они привыкли к капризам госпожи.

— Закончила? — обратилась она к грузной Мегаре, которая возилась с причёской.

Та утвердительно кивнула и отошла. Нитокрис хмыкнула:

— И как мне надевать парик? Волосы будут торчать. Однажды я плюну и сбрею всё к Анубису.

Мегара промолчала, опустив голову. Волос у Нитокрис было мало — тонкие, жидкие пряди, отчего та всё чаще даже в покоех не снимала парик. Царица щёлкнула пальцами, и служанка принесла чёрный парик из настоящих человеческих волос для высокой короны с диском.

Асо нанизывала украшения. Последним всегда был рубиновый кулон на массивной золотой цепи. Нитокрис пощупала холодный камень.

— Красный цвет мне не к лицу! — сетовала царица. — Мне нравится холод сапфиров. Они подобны голубому Нилу на закате. Но второго такого камня у меня нет. Придётся нацепить этот...

Двери распахнулись. В комнату вихрем влетел Мернептах. Служанки отскочили в стороны, упали на колени, стукнувшись лбами о пол.

— Встать. А то однажды убьёте. Закончила? — он обратился к жене.

Нитокрис не торопилась с ответом. Медленно, с достоинством, отставила кубок, поднялась с кресла. Равнодушно скользнула по торсу супруга, как по статуе.

— Собирайся. Церемония вот-вот начнётся. Уверен, ты мечтаешь поздравить нового наместника Мемфиса.

— Особенно, если наместник — родной брат! — Нитокрис подалась вперёд, браслеты звякнули. — Даже Сет меня не остановит! Мой муж не соизволит снять немес? Ты фараон или крестьянский мальчик? Облачись в двойную корону. Хоть на люди выходи в пшенте.

— Тебе не угодить, Нитокрис. Зачем натягивать пшент, если половина короны уходит другому человеку?

— Дай мне минуту! — попросила Нитокрис, не желая спорить.

Фараон вышел. Его мучило от разномастных запахов, которыми пропиталась комната.

Нитокрис всматривалась в зеркало, но видела не себя, а Ранфера. Вспомнила, как он улыбнулся ей вчера в зале и как сжал руку Афири.

— Если бы не отец, — прошептала она в пустоту, — если бы не его решение... я была бы твоей, а не его. Я бы сейчас не страдала...

Женщина коснулась своего плоского живота, и губы скривились в горькой усмешке.

— Ладно. Живи, Афири. Радуйся, пока можешь.

Нитокрис потянулась к потайному отделению, но вспомнила, что в комнате по-прежнему мельтешил чужой человек. Она перевела взгляд на Мегару.

— Асо закончит. Ты свободна.

Служанка поклонилась и оставила царские покои.

Нитокрис достала ларец, спрятанный в столе, и извлекла флакон с красной тягучей жидкостью. Она сделала глоток, улыбнулась отражению и замерла, увидев бледноту. Царица долго изучала тени под глазами — они не могли быть плодом её воображения.

— Асо, накрась меня ещё раз.

— Но фараон...

— Подождёт, — успокоила Нитокрис.

Наконец, царица посчитала недостатки сносно спрятанными, а тоску — уничтоженной одним глотком. Она вышла к мужу, и чета двинулась к балкону, где их давно поджидала свита.

С улицы доносился нарастающий гул — люди ждали появления царских особ.

Царица шла, путаясь в длинном платье, что волочилось за ней на несколько метров. Ткань шелестела по камню, слуги едва успевали отскакивать. Нитокрис знала, как пустить пыль в глаза.

Едва на пороге балкона показался фараон в полосатом немесе, обрушился оглушительный рёв тысяч глоток. Люди внизу махали руками, подбрасывали в воздух пальмовые ветви, женщины пронзительно улюлюкали. Звук давил на уши, отражался от стен.

Казначей Нактамон вышел вперёд и поднял руку, призывая толпу к тишине.

— Да благословит Амон фараона Мернептах, наречённого вторым, и его супругу, царицу Нитокрис! — его голос, усиленный бронзовым рупором, перекрыл шум толпы.

Мернептах оглядел балкон. Здесь были почти все, кто имел вес при дворе: верховный жрец Аменемхет в леопардовой шкуре, казначей Нактамон с женой и дочерью, начальник войска Хоремб с дочерью Нейтидой, дядя фараона Аменхотеп. И послы — вавилонские, хеттские и нубийский правитель с голой грудью, увешанной золотом.

Ранфер стоял под навесом из льняной ткани, защищавшим от солнца, и держал за руку жену Афири, облачённую в платье, наглухо скрывающее тело. Рядом стояли сыновья — стройный Нахтмин; похожий на мать плотный Юба и дочь Исея с серьёзным отцовским взглядом.

Двое слуг подбежали к Мернептаху. Один ловко снял полосатый платок и надел корону севера и юга: белый колпак Верхнего Египта поверх красного цилиндра Нижнего. Второй слуга вложил в руки фараона цеп и посох — главные царские регалии, символы власти над жизнью и смертью каждого в этой стране.

Фараон показался перед народом. Крики усилились, стали почти невыносимыми. Нактамон низко поклонился и отошёл в сторону.

Мернептах повернулся к Ранферу, пригласил жестом подойти. Главный визирь в скромном белом хитоне и набедреннике-схенти, без единого украшения, приблизился. Фараон похлопал его по плечу, поднял цеп, призывая к тишине. Гул стих не сразу, но постепенно площадь замерла в ожидании.

— Мой дед оставил сыновьям разрушенное войной государство, — голос Мернептах разнёсся над толпой, — отец вложил все силы, чтобы восстановить Древнюю страну Нила. Я почти закончил дела предков, но не успею завершить всё в одиночку. В это беспокойное время, когда враги наступают на границы, пытаются отторгнуть земли, принадлежащие нам по праву крови, я назначаю регента для управления Южным Египтом. Им будет Ранфер, сын Неферкары!

Тот склонил голову. Улыбнулся фараону, затем повернулся к сестре. Нитокрис улыбнулась, но в груди кольнуло — теперь возлюбленный брат покинет столицу, уедет в Мемфис, и они будут видеться раз в год, если повезёт.

— Визирь Ранфер становится наместником Нижнего Египта! — прогремел Мернептах и надел на его палец перстень с изображением кобры. — Выше него только фараон!

Ранфер встретился глазами с Нактамоном. Оскал гиены был бы приятнее, чем улыбка главного казначея. Гладко выбритая голова блестела на солнце, острый нос, казалось, чуял добычу даже здесь, на празднике. Он коротко поклонился новому наместнику. Его дочь и супруга стояли с непроницаемыми лицами, только желваки ходили на скулах.

Мернептах ушёл в сопровождении послов. Нитокрис недоумённо вскинула брови — церемония закончилась, едва успев начаться.

К Ранферу подошла Афири, погладила мужа по плечу. На лице блестели слёзы.

— Что теперь?

— Пир, — ответил Ранфер. — Но я бы отдал новую должность за последний вечер в своём доме.

— Ещё чего! — Нитокрис обвила руку брата. — Мернептах устроит бесплатную раздачу зерна людям, а для двора — грандиозный пир в честь твоего назначения. Послов надо ублажить, договоры подписать. Пива и вина хватит на три дня возлияний. Успеешь посидеть в своей фиванской конуре. Лучше готовься принимать дворец в Мемфисе.

— Даром не надо! — улыбнулся Ранфер.

Он двинулся во дворец в сопровождении сестёр. Сзади плёлся Нахтмин. Юба вёл за руку Исею. Следом потянулась процессия придворных. Каждый норовил протиснуться поближе к новому наместнику, сказать хоть слово, попасться на глаза.

В обеденном зале накрыли столы. Слуги налетели со всех сторон: молодые нубийцы несли блюда с жареным мясом, египтянки — корзины инжира и фиников, мальчишки — кувшины пива и вина. На столах теснились запечённые гуси, утки, нильская рыба, лепёшки с мёдом, виноград, гранаты и оливки. По одному этому угощению становилось ясно: хозяин Дома не привык считать зерно.

Ранфер с семьёй уселся неподалёку от Нитокрис — на безопасном расстоянии, чтобы не давать повода для сплетен. Царица оживлённо обсуждала что-то с придворными дамами, те хихикали, прикрываясь веерами из страусиных перьев.

Ранфер уныло изучал стол, ломящийся от еды. Афири невзначай коснулась плечом, не глядя на него:

— Тебя возвеличили на царство, а такой вид, будто увидел Сета. Что случилось?

— Нехорошее предчувствие, — он подбирал слова. — Не знаю, как объяснить. В груди всё колотится, как будто сейчас вырвется наружу.

Афири сжала его руку:

— Маат наставит нас. Боги не оставят честных. А пока — выпьем за твоё назначение.

Она подняла золотой кубок, пригубила терпкое красное вино. Ранфер заставил себя улыбнуться и сделал то же самое. Он невольно отметил потрескавшуюся кожу Афири возле уголков рта и отвернулся.

В зал ворвался фараон, громко смеясь. За ним следовала процессия послов, наложниц, слуг и вельмож с жёнами. Мернептах опустился на трон и сразу заметил Ранфера. Тот покорился и отправился к фараону.

— Куда же ты спрятался, Ранфер? — воскликнул он. — Теперь ты нужен Египту как никогда. Признаюсь, я рад, что у меня есть такой надёжный человек.

Он щёлкнул пальцами, слуга подал немес. Фараон вытер испарину с лысины и сменил тяжёлую корону на лёгкий плат.

— Ты бы знал, какие зануды эти послы. Все чего-то хотят, а взамен ничего не дают. Как с такими разговаривать?

— Нахалам всегда лучше отвечать молчанием.

— Поэтому ты так преуспел.

Ранфер не изменился в лице.

— Кто теперь будет первым визирем?

— Я бы спросил твоего совета, но знаю ответ.

— Чем плох Киниф?

— Ты всю жизнь ходил на грани. Твоя честность и неподкупность у всех комом в горле. Но ты знал, как ответить недругам. Киниф, к сожалению, и близко не похож на тебя.

— Если он станет визирем, ты достроишь гробницу до сорока лет.

Ранфер ударил в самое больное место. Фараон хмурился. В этот момент Ранфер встретился взглядом с Нитокрис. Она улыбнулась. Мернептах ничего не упустил.

— Мне всегда казалось, что вас связывает нечто большее, чем родство. Моя жена давно на тебя глаз положила.

Ранфер остался спокоен. Фараон неоднократно испытывал его этой *шуткой*.

— Мы с ней лучшие брат и сестра — не больше. У меня есть жена, дети, высокий титул. О большем я и не мечтаю. Выпьем лучше за тебя, мой государь.

— За лучших мужей, — подхватил подошедший Нактамон.

Ранфер осушил кубок, косясь на лысого казначея. Тот не мог задержать взгляд на одном месте — метался, искал, ухмылялся.

— Великий Дом, я не подведу, — произнёс Нактамон. — Клянусь Амоном!

Не желая ставить фараона в неудобное положение, наместник с его молчаливого согласия удалился. Чем дальше он отходил от Нактамона, тем спокойнее становилось на душе. Он отправился по залу — наблюдать за людьми.

Нитокрис всё так же разговаривала с дамами. Щёки царицы порозовели от выпитого, заблестели глаза. К ней приблизилась служанка — не из личных прислужниц Нитокрис, но знакомая, дворцовая. Она держала поднос с золотым кубком.

— Великая царица, — поклонилась девушка. — Храм Амона прислал вино для царского стола.

Нитокрис приподняла бровь, усмехнулась:

— Хотят меня задобрить? Хитрецы.

Придворные дамы засмеялись. Нитокрис взяла кубок, поднесла к губам. Вино пахло пряно, чуть сладковато — необычно, но приятно. Она сделала глоток. Потом другой.

— Крепкое, — сказала она, возвращая кубок служанке. — Передай храмовникам: я тронута их прямотой. Вино и правда хорошее.

Женщины снова стали выдавливать из себя смех. Служанка поклонилась и исчезла.

— Аменемхет хочет тебе угодить, — шепнула одна из дам.

— Или пытается меня купить, — усмехнулась Нитокрис, наблюдая за служанкой, которая подошла к казначею. — А может, и не жрецы пытаются купить. Кое-кто весь вечер воспекает хвалу Ранферу. Когда такое было? Но вино и правда хорошее. Пусть старается.

Фараон весь вечер прикладывался к кубку и не сводил глаз с Нитокрис и Ранфера. Если раньше ему казалось, что затея с наместничеством разумна, после выпитого в компании казначея интриги Нитокрис заиграли новыми красками. *«Разве не она добила его назначения в Мемфис? А если она его так любит, зачем спроваживает? Что-то не сходится»*. С каждым днём Мернептах всё чаще ревновал жену — она никогда не смотрела на него с такой теплотой.

Ранфер и Нитокрис были необычайно похожи, и сегодня это сходство давило сильнее обычного. Те же черты лица, та же манера чуть прищуриваться, когда думают о чём-то важном. Стоило ему обернуться к Нитокрис — перед ним возникал визирь. Стоило задержаться на Ранфере — всплывало лицо жены.

Нитокрис угрюмо пила воду, даже не обращая внимания на брата. Ранфер изредка украдкой следил за ней. Она держалась прямо, но лицо казалось чужим. Царица дождалась, когда Ранфер отвернулся, и скользнула в коридор. Нактамон отметил её уход и отпил вина.

Далеко уйти Нитокрис не сумела — на развилке её согнуло пополам. Асо нагнала её, но та отправила служанку прочь.

Ранфер беспокойно крутил головой. Он не заметил, как сестра покинула зал. К нему подошла Мегара.

— Царица призывает вас. Ей нехорошо.

Ранфер колебался. Повернулся к Афири — та убеждала сонную Исею задержаться. К Нактамону — тот улыбался, поглядывая по сторонам.

Они вышли в коридор и через минуту наткнулись на Нитокрис. Она царапала стену, за ней тянулся кровавый след.

— Что с ней? — спросил Ранфер.

Мегара пожала плечами.

— Сходи за Асо, — велел он.

Когда служанка ушла, Ранфер обратился к сестре:

— Нитокрис. Что с тобой?

Она медленно повернулась. Голова словно приросла к плечам.

— Уходи. Пока не случилось ничего дурного.

Она отвернулась и продолжила ломать ногти. Ранфер схватил её за плечи и встряхнул. Нитокрис отпрянула, выставив руки, глядя куда угодно — только не на брата.

— Хотя бы не причиняй себе боль.

Нитокрис не ответила. Только водила пальцами по разодранным ногтям.

— Не трогай меня! — прошипела она. — Поговорим завтра.

— Да, что с тобой такое? Мегара сказала тебе плохо, а ты меня прогоняешь!

— Что? — Нитокрис нахмурилась, будто пыталась вспомнить. — Я ничего не говорила. Не знаю, что она там навывдумывала. Я никого не звала. Особенно — тебя. Дайте мне один вечер провести наедине с собой.

Она отмахивалась, пока Ранфер не схватил её. Нитокрис обмякла. Зрачки лихорадочно поблёскивали, ноги подрагивали.

— Нактамон... это всё он. Змей. Ты знаешь. Все знают. А Мернептах слепой. Он не видит, что творится у него под носом.

— Тише... — Ранфер повернулся на шорох.

— Я не могла поступить иначе, брат. Не могла! Либо ты всегда у меня на виду, а Нактамон в Мемфисе. Либо... ты понял...

— Не здесь. Не сейчас, Нитокрис.

— А где? — она вцепилась в него. — Где мне говорить правду, если не с тобой? Ты всегда понимал.

— Нитокрис, ты не в себе. Ты перебрала.

— Ничего я не перебрала! — она покачала головой. — Порой надо говорить «нет», несмотря на обиды и боясь упасть в глазах других. Как я могла отказаться от этой чаши при всех? У царей правила порой хуже, чем у черни.

— Давай я отведу тебя в покои и позову лекаря.

— Не надо никого! — она высвободилась, часто задышала. — Вот уж сказал глупость, братец. Все лекари под Аменемхетом. Все до одного куплены. Скажи... почему ты не фараон?

Ранфер замер.

— Что?

— Ты должен им стать! — Нитокрис подалась вперёд. — Ты умнее его. Ты лучше. Ты бы правил Египтом так, как полагает Великому Дому. А Мернептах? Он ничтожество.

Ранфер схватил её за плечи, встряхнул:

— Немедленно замолчи.

— Я ненавижу его! — голос Нитокрис перешёл на шёпот, но в тишине коридора он прозвучал как крик. — Каждую ночь ненавижу. Каждое утро просыпаюсь и думаю: зачем боги дали мне этого мужчину? А ты... ты мог бы править. Мы бы... От тебя я бы точно зачала! Афири же зачала троих! Атон наказал меня за то, что я вышла за это ничтожество. Волчица никогда не родит от кобе...

Она не договорила. Ранфер зажал ей рот ладонью, прижал к стене.

— Молчи! Хочешь нас всех убить? Хочешь, чтобы моих детей зарыли в песок?

Нитокрис дёрнулась, попыталась высвободиться, но он крепко держал. Слёзы у неё были злые, безумные. Ранфер будто не знал этого человека, будто впервые столкнулся с ней настоящей.

Из-за поворота донесли шаги — быстрые, но крадущиеся. Ранфер обернулся. В конце коридора мелькнула тень, растворилась во мраке. Он рванул было следом, но Нитокрис обмякла, повисла на руках. Пришлось подхватывать, удерживать от падения.

— Проклятие! — он прислушался. Шаги удалялись в сторону пиршественного зала. — Не догоню. Что же ты натворила, сестра?

И тут он почувствовал запах. Травяной, горьковатый, с приторно-сладкими нотками — от губ Нитокрис, от её дыхания.

— Нитокрис, — прошептал он, чувствуя, как холодеет спина. — Кто дал тебе вино? Кто поднёс кубок?

Она не ответила. Веки слипались, дыхание выравнивалось, тело тяжелело — зелье отпускало, сваливая её в глубокий сон.

Сзади слышались тяжёлые шаги. Ритмичный топот стражи. Из-за угла вышли солдаты с копьями наперевес — человек десять. За ними показался Мернептаха. Лицо фараона было белым, как известняк. Чуть поодаль со скорбным лицом семенил Нактамон. Голова была смиренно опущена, но в уголках губ пряталось что-то, от чего Ранферу захотелось задушить его голыми руками.

Фараон медленно переводил внимание с Ранфера, держащего его жену, на её спящее лицо. Взгляд задержался на пальцах Ранфера, всё ещё сжимающих плечи царицы. Повисла такая тишина, что слышалось, как потрескивают факелы в настенных держателях.

— Мой государь — Нактамон шагнул. Лоб его блестел от испарины. — Я не хотел верить, когда мои люди донесли. Но они слышали своими ушами. Они слышали, как царица называла тебя...

Он замолчал, будто не в силах произнести вслух.

— Как она называла меня? — голос Мернептаха был пустым. — Говори.

— Ничтожеством... — Нактамон осёкся. — И говорила, что трон должен принадлежать её брату. Что Ранфер правил бы лучше. Люди уже шепчутся о заговоре. Я обязан был доложить тебе немедленно. Прости, государь.

Мернептаха побелел ещё больше. От безмятежного лица жены он повернулся к Ранферу. Тот по-прежнему держал Нитокрис, зная, если отпустит — та грохнется на камни и расшибет голову.

— Это зелье. — Ранфер не верил самому себе. — Ей подлили вавилонский Кровнолист. Она не отвечала за свои слова. Наговорила лишнего. Ты же знаешь, у неё язык без костей.

— Не отвечала? — Мернептаха шагнул ближе, и стражники расступились. — А ты? Ты отвечаешь? Ты стоял здесь, в темноте, с моей женой, и слушал, как она желает мне смерти и превозносит тебя надо мной. Почему ты не остановил её? Почему не привёл сразу ко мне?

— Я пытался. Она...

— Ты пытался? — фараон вдруг закричал, сорвавшись на визг, эхо заметалось по коридору. — Я возвысил тебя! Я назвал братом! Я отдал тебе половину страны! А ты стоишь здесь, прижимаешь к стене мою жену и слушаешь, как она мечтает увидеть тебя на моём троне?! Может, вы не только обсуждали меня? Может, уже и план построили, как свергнете Великий Дом?

Фараон мельком посмотрел на платье и пол. Ранфер молчал. Правда звучала как жалкое оправдание. Зелье, ловушка, случайность — слова, которые разбивались о холодную ярость в лице фараона.

— Мне нечего сказать, мой государь, — только и вымолвил Ранфер.

На лице Мернептаха смешались гнев, боль, унижение — всё вместе, перемешанное в безумную смесь. Он только что при всех вознёс этого человека выше всех сановников. Теперь же не мог решить, чего хочет сильнее: услышать правду или приказать страже снести ему голову.

— Разве я предал тебя? — в отчаянии воскликнул Ранфер, вспомнив о жене.

— Ты говорил о фараоне, не о крестьянине. Предал не телом, так мыслью. Здесь одно недалеко от другого. Увести! — фараон махнул. — В темницу. До утра я решу, что с ним делать. Нитокрис в покои и не выпускать.

— Ей нужна помощь, владыка! — вполголоса пробормотал Нактамон. — Мегара, возьми царицу.

Из толпы вышла служанка, подхватила невесомую Нитокрис и понесла в комнату. Та даже не проснулась, только голова безвольно мотнулась.

Начальник стражи Маахес, угрюмый тип с квадратной челюстью, шагнул к Ранферу и с размаху ударил в живот. Тот сложился, хватая ртом воздух. Стражники навалились, заломили руки и сорвали немес. Перстень наместника фараон снял лично.

Пленника потащили по коридору. Сандалии волочились по камню, голова моталась, но он успел увидеть, как из-за поворота выбежала Афири. Она растерянно металась среди солдат, искала мужа. Увидев его в руках стражи, она остановилась.

Всего на миг их глаза встретились. Такой боли в лице Афири он ещё не знал. Афири прижала ладонь ко рту и сдавила. Чёрные слёзы текли сквозь пальцы, капали на белое платье.

Мернептах остался один посреди коридора. Нактамон встал чуть позади, готовый услужить.

— Государь, — тихо сказал он. — Если позволишь, я прослежу, чтобы царице оказали должный уход. И чтобы слуги не болтали лишнего.

Мернептах не ответил. Только кивнул, не оборачиваясь.

Глава 2

Юба проснулся затемно. В комнате было душно — за ночь воздух стал тяжёлым, как перед хамсином. Он сел на кровати, прислушался. Где-то за стеной скреблась мышь, в саду кричала ночная птица. Стояла та особенная тишина, которая бывает только перед рассветом.

Нахтмин посапывал рядом, подложив ладонь под щеку. Исея спала на родительском ложе, свернувшись калачиком, обняв себя тонкими руками. Матери не было.

Юба бесшумно скользнул в гостиную. Лунный свет пробивался сквозь щели в ставнях, ложился на пол бледными полосами. Каждый угол, каждый предмет вдруг перестали быть привычными. Кресло отца пустовало — он не пришёл ночевать. Наверное, впервые в жизни. Столик, за которым мать всю ночь не сомкнула глаз, и очаг, где слуги пекли лепёшки — всё казалось чужим.

Он толкнул дверь во внутренний двор.

Ночной воздух ударил в лицо прохладой. Сад серебрился в лунном свете. Тени гранатовых деревьев лежали на земле чёрными лужами, листья инжира поблёскивали от росы. Где-то в траве стрекотала цикада, и этот звук казался громким в ночной тиши.

Афири сидела на каменной скамье у высохшего фонтана с масляной лампой. Неподалёку с факелом стоял Бакар — пожилой слуга. В отсутствие Ранфера он охранял покой Афири.

Её плечи вздрагивали — то ли от плача, то ли от озноба, хотя ночь была не такой уж и холодной. Рядом на камне стоял миниатюрный глиняный кувшинчик с узким горлом, каких Юба раньше в доме не видел. Афири пила из него мелкими глотками.

Юба замер в дверях. Он видел мать плачущей дважды в жизни. Первый — в день рождения Исеи. Тогда она сидела на этом же месте и, прижимая к груди крошечный свёрток, шептала, какая Исея красивая.

Юба хотел уйти. Не хотел делить с ней эту горечь, потому что своей хватало до тошноты. Но ноги не слушались. Он стоял, слушая её тихие всхлипы.

Он ступил назад и зацепился за порог. Грохот в тишине прозвучал точно обвал на стройке в Майдуме. Юба рухнул на землю, больно ударившись боком, и зашипел сквозь зубы.

Афири обернулась. Увидев силуэт во тьме, она схватила лампу и бросилась к сыну.

— Ты что? Ушибся? Дай взгляну...

Она шарил руками по его боку, по спине, по лицу. Лицо её было заплаканным, веки — красными и опухшими, но она уже не плакала.

— Ничего, мам. — Юба поднялся, потирая ушиб. — Я просто... не спалось.

Она притянула его к себе, поцеловала в лоб. Руки у неё были холодными, словно она провела на улице всю ночь.

— Я думала, Исея лунатит. А это оказался Юба. Ты же у меня такой ловкач, а тут смотри-ка — не справился с порогом.

— Мам, перестань, — отнекивался Юба.

— Почему не спишь? — голос осип, каждое слово давалось с трудом.

— Не знаю, — Юба уткнулся лицом ей в плечо. Вдохнул знакомый сладковатый запах — он появился у матери, когда она заболела. — Мама... что теперь будет?

— Не знаю, родной, — она гладила его по голове, как в детстве, когда он просыпался от ночных кошмаров. — Киниф вернулся. Говорит с фараоном. Может, это ошибка. Всё выяснится к утру.

— Дядя Киниф? — Юба поднял голову. В голосе прорезалась надежда. — Он поможет? Киниф был дальним родственником, но в семье его считали почти братом.

— Если кто и может — только он, — она вытерла щеки.

— А Хоремб?

— Они с папой друзья, но Хоремб не пойдёт против фараона.

— То есть свадьба Нахтмина и Нейтиды расстроилась?

— Удивительно, что ты вообще об этом думаешь.

— Неужели мы одни и никто нам не поможет? Мне казалось, у отца так много друзей...

— Да — тебе казалось. Увы, они все служат фараону.

— Но он же такой...

Он не успел договорить — женщина приложила палец к его губам.

— Такой или не такой. Это наш Великий Дом. Хороший или худой. Мы должны служить ему и относиться с благоговением.

— Но он же посадил папу в темницу!

— Это не повод для злости, — сказала Афири. — Даже если фараон неправ, мы ему не причиним зла, как бы ни хотели и ни старались. Поэтому не будем лишним тратить силы понапрасну. Хорошо?

Юба пожал плечами.

— Как похолодало. Иди в дом, а то простынешь. Бакар уже в статую превратился.

— Пойдём вместе. У тебя руки ледяные.

Афири кивнула, и Бакар исчез в проходе. Они вошли в гостиную. Женщина остановилась у окна и подняла голову к небу. Луна уже уходила за горизонт, край неба светлел.

Юба помолчал, потом вдруг спросил:

— Мам... почему мы молимся шёпотом?

Афири обернулась, на миг растерявшись.

— Поговорим об этом в другой раз. Ложись спать. Утром пойдём во дворец.

— Думаешь, фараон расчувствуется, когда увидит вдову с тремя детьми?

— Я знаю, за что боги наказали меня болезнью, — пробормотала Афири, — чтобы лишний раз не бить собственных детей...

— А что я сказал?

— Рано ты меня сделал вдовой.

— Мама, всё безнадежно! Отца казнят, имущество разбазарят. Денег не будет, мы не сможем платить слугам...

— Спать! — Афири указала Юбе на комнату.

На лице Афири проступило сожаление. *«Ты не виноват в своей дерзости. Мы все боимся неопределённости»*, — подумала Афири.

Афири не допустили до мужа. Неделю она ходила во дворец и слышала только осуждение и насмешки. Ни Киниф, ни Хоремб не могли повлиять на Мернептаха. Оставалась надежда на Нитокрис, но царица так и не пришла в себя после той ночи.

Наконец, Киниф убедил фараона, и тот согласился на встречу. Афири воспряла духом.

— Вставайте, — она будила детей, — надо идти.

Исея капризничала, пряталась под одеяло. Нахтмин зевнул, потянулся так, что хрустнули кости, и уселся, тупо смотря в стену.

— Сегодня увидим папу? — спросил он.

— Увидим. Киниф обо всём договорился.

Нахтмин вошёл на кухню, увидев на матери то же платье, что и в день назначения наместника. Глаза уже были подведены сурьмой, на голове красовался парик-горшок.

На кухонном столе лежали лепёшки, немного вяленой рыбы и горстка фиников. От прежней жизни осталось немного. За две недели, что отец сидел в темнице, еда изменилась неузнаваемо. Даже торговцы, раньше кланявшиеся семье визиря, теперь отворачивались.

Нахтмин взял лепешку, отпил из кубка и поморщился.

— Мы стали взрослыми, когда отца забрали? — спросил Нахтмин, вращая кубок.

— Что? Ты о чём?

— Тут пиво.

Юба тут же налил себе из кувшина и причмокнул.

— Причём самое дешёвое.

Улыбка сползла с лица Афири. Она растерялась.

— А ты у нас разбираешься? Не спрашивайте, зачем и почему. Бакар, наверное, не убрал...

Афири понюхала кувшин, отняла у сына кубок, порылась и нашла воду. Со стуком поставила сосуд на стол. Она с укоризной посмотрела на сыновей — те не замечали, что все обязанности по дому легли на неё. Нахтмин, старший сын Афири, семнадцать лет — почти мужчина. Он сидел за столом прямой, как обелиск. В его внешности появилось что-то жёсткое и колющее. Таким он стал после ареста Ранфера.

— Хочешь ты или нет, а взрослеть придётся. — Афири отвернулась к очагу. — Ешьте и собирайтесь. Нас ждут.

— Обязательно идти сейчас? — спросил Юба. — Почему бы не сходить в обед?

— Тебе дороже сон или отец?

— Да я..., — замялся Юба.

— Ты больше не сын визиря. Привыкай спать ровно столько, сколько спят Фивы.

— Мам, я понял, — сконфузился Юба.

— Одевайся. На улице пока не так знойно. В обед я уже не дойду до дворца...

— Мамочка не любит солнце, — пропищала Исея.

Афири не ответила. Только вздохнула:

— Мамочка молится Атону, но он лишь надсмехается над ней.

Юба решил не злить мать лишний раз. Он отломил кусок лепёшки и сунул в рот, запивая пивом из кубка, которое Афири не забрала.

Дети ели в тягостном молчании. Казалось, они идут не на встречу с отцом, а на его казнь.

— Всё! — Афири поднялась и поправила парик. — Нет сил больше здесь сидеть. Идём.

Она окинула детей взглядом — проверила, все ли одеты, все ли умыты. Исею поправила платье, Юбе стряхнула крошки со схенти, Нахтмину велела завязать сандалии потуже.

— Не позорьте отца. Он должен видеть, что мы держимся и не боимся фараона. Боятся только виновные.

Фивы просыпались медленно, будто пережили бессонную ночь. Солнце только поднялось, но уже немилосердно пекло — зной наступал на город, выжигал тени, плавил воздух.

Дорога во дворец заняла больше часа, хотя раньше это занимало вдвое меньше времени. Они шли короткими перебежками — от одного навеса до другого, часто отдыхали. Когда Афири уже не могла терпеть боль и дрожь, рука скользила в платье в поисках пузырька. Дети неотрывно следили за каждым её движением. Женщина, отвернувшись, глотнула и присела. Глупая улыбка временами озаряла лицо матери. Нахтмин содрогнулся. Он вспомнил разговор с отцом о болезни.

Афири почувствовала прилив сил и зашагала во дворец с такой скоростью, что дети за ней не поспевали. Она знала, что получит не один ожог от солнца, что потом будет страдать, но ей было всё равно. Решалась судьба мужа.

Они свернули к рынку и пошли по узким улочкам. Афири ненавидела это место, но лавки, прикрытые тряпками от зноя, были её единственным спасением.

Торговцы выкладывали товар, перекликались, ругались с разносчиками. Рыбаки несли улов в корзинах, жрецы в белых одеждах шествовали к храмам, погружённые в себя. Дети играли в пыли, женщины стирали бельё.

Лишь одно было неизменно — на семью Ранфера косились и показывали пальцем.

Юба чувствовал эти взгляды кожей. Вот лавочник, который раньше кланялся им до земли, отвернулся и с деловитым видом принялся перебирать амфоры. Вот женщины у фонтана зашептались, прикрывая рты ладонями. Вот меджай на перекрёстке, будто прикидывал, не арестовать ли их прямо сейчас.

— Не смотри на них, — сказал Нахтмин. — Иди как шёл.

Юба кивнул, сжал кулаки и зашагал быстрее.

Афири шла впереди, не обращая внимания на творящееся вокруг неё. Спина прямая, голова поднята — сестра царицы, мать и жена.

Исея ничего не замечала. Она таращилась по сторонам, тараторила без умолку, показывала на собак, на телеги, на пёстрые ткани в лавках. Афири с доброй завистью поглядывала на дочь, желая оказаться в её возрасте и с такой же лёгкостью воспринимать суровую действительность.

У ворот дворца их остановили. Стражник долго рассматривал пропуск, подписанный рукой Кинифа. Ворочал папирус в грубых пальцах, изучал как указ фараона.

— Ждите, — буркнул он и ушёл.

Исея, утомившись от жары, захныкала. Юба присел перед ней на корточки и заговорил, сыпая шутками и историями. Нахтмин стоял чуть поодаль, уставившись на балкон. Он подумал: недавно они были в почёте, стояли возле фараона. Люди славил имя отца. Теперь они ждут у заднего входа, как нищие.

— Нахтмин, — позвала мать тихо. — Иди сюда. Держись рядом.

Он подошёл. Встал плечом к плечу с братом, прикрывая Исею от солнца.

Стражник вернулся и махнул:

— За мной. Не отставать.

Они вошли в ворота. Впереди ждала темнота коридоров, холод камня и встреча с тем, кого они желали увидеть больше всего на свете.

Афири плохо помнила эту дорогу. Коридоры тянулись бесконечно — один сменялся другим, повороты вели в новые переходы, и вскоре она перестала понимать, где находится. Факелы плясали на стенах, тени метались, и каждый шаг отдавался эхом. Холод камня пробирал даже сквозь сандалии, поднимался выше, до колен. Где-то капала вода — равномерно, бесконечно, как отсчёт времени, оставшегося мужу. Хотелось поскорее выбраться к солнцу — пусть даже столь недружелюбному.

У дверей их поджидал Хоремб — друг семьи, начальник египетского воинства. Не было во всём дворце человека с более безупречной репутацией.

Он отворил дверь, их обдало затхлым запахом. Помещение было крошечным. Единственный луч света пробивался сквозь узкое окно под потолком. Ранфер сидел в углу, уронив голову на колени, и даже не откликнулся на грохот открывшейся двери.

— Ранфер... — голос Афири дрогнул.

Он вскинул голову. Медленно поднялся и обнял жену. Исея обхватила его за пояс, сыновья прижались к нему головами. Какое-то время они стояли, не в силах нарушить тишину.

Мужчина отстранился, посмотрел на Афири. Слёзы катились по щекам. Он погладил её и улыбнулся с болью.

Афири старалась не замечать, как он изменился. Исхудал, побледнел, оброс щетиной. Кожа обтянула скулы, глаза ввалились. Он насквозь пропах темницей.

Ранфер усадил жену и дочь на лавку — единственное подобие кровати. Сыновья встали рядом.

— Ранфер, что происходит?

— Я — изменник государства, — отозвался он. — Неужели ты ещё ничего не поняла?

— Мне не до шуток. Что ты такого натворил, раз тебе отвели самую дальнюю камеру?

— Перешёл дорогу не тем людям.
— Ты делал это всю жизнь, но боги миловали нас. Что изменилось?
— Союзников было больше. Сейчас все боятся мне помогать.
— И даже Хоремб?
Ранфер промолчал.
— Тебя разжалуют?
— Афири, — он усмехнулся. — Какие титулы? Меня казнят, как преступника.
— А твоя сестра не преступница?
— Она мне столько же сестра, сколько и тебе. У фараона есть привилегия — назначать виноватых по своему усмотрению. В его картине мира Нитокрис невиновна.
— Оставила тебя крайним и спряталась. Это она умеет делать лучше всех.
— Никуда она не пряталась. У неё хворь, — он погладил руку жены, где торчала язвочка.
— Такая же. Она в ужасе ещё большем, чем я. Какой с неё спрос?
— А с тебя? — возмутилась Афири. — У тебя семья! То есть ты просто положишь голову под меч? Даже не будешь сопротивляться?
— Я уже сделал всё возможное, и этим только обозлил Мернептах. Стоило держать язык за зубами, может, обошлось бы ссылкой в Нубию.
— Я пойду к фараону.
— И что ты ему скажешь? — Ранфер, усмехнувшись, покачал головой. — Что я невиновен? Вокруг него столько соглядатаев, что твой голос утонет. Его не переубедить.
Дверь позади них скрипнула. Хоремб стоял на пороге, изучая дверной косяк. Афири кивнула ему — ещё немного.
Ранфер повернулся к детям.
— Исея, береги маму. Будь умницей, — перевёл взгляд на сыновей. — А вы берегите сестру.
Нахтмин кивнул. Юба укрылся, не желая показывать слёзы отцу. Афири всхлипнула, уткнулась мужу в грудь. Они обнялись.
— Афири, пора, — сказал Хоремб.
Ранфер отстранился, поцеловал жену в лоб.
— Идите.
Она вцепилась в его руку, но он мягко высвободился и отступил. Дети уже вышли. Афири пятилась, не в силах оторваться от его лица — грязного, измождённого, но родного.
Всю дорогу Афири думала о том, что сказал Ранфер. Она понимала, что не сегодня-завтра мужа казнят, но её это словно не занимало. Известие о хвори Нитокрис будто отпечаталось внутри неё. *«Боги существуют и наказывают людей за бесстыдство»*, — пронеслось у неё.
Хоремб шёл чуть впереди, расчищая дорогу.
Он вытащил Афири из раздумий:
— Не передумала?
— Нет.
— Я позову дочь. Она тебе поможет, — военачальник посмотрел на размазанную сурьму Афири.

Нейтида привела лицо женщины в подобающий внешний вид, перекинулась взглядом с Нахтмином и шмыгнула в зал.

Приёмный зал гудел как никогда. У входа её накрыло море людей — у неё перехватило дыхание. Казалось, все Фивы пришли на приём к фараону.

Зал был огромен — настолько, что противоположная стена тонула в полумраке. Высокие колонны уходили под потолок и были такими толстыми, что их не обхватили бы и трое мужчин.

Между ними, вдоль стен, тянулись росписи — фараоны на колесницах, коленопреклонённые пленники, боги с головами зверей.

На возвышении, в резном кресле с подлокотниками в виде львиных лап, восседал Мернептах. Двойная корона на голове, цеп и посох в руках, набедренник с гофрированным картушем. Справа от него сидел Нактамон. Он скучал, его глазки бегали по залу, цеплялись за каждого. Слева — Мелия, его дочь. Она лениво обмахивалась веером, с улыбкой посматривая на виночерпия Итета. *«Примеряешь на себя корону царицы? Этого следовало ожидать»*, — подумала Афири.

Вдоль стен, на скамьях, расположились придворные дамы. В париках до плеч, в тонких платьях из лучшего льна, с украшениями, которые стоили больше, чем дом любого ремесленника в Фивах. Слуги обмахивали их опахалами, отгоняя мух и духоту, подносили вино, поправляли подушки.

Тут же, в стороне, толпились сановники — кто в белых одеждах, кто в расшитых золотом набедренниках. Они вполголоса переговаривались, кивали друг другу. Каждый косился на трон — не смотрит ли фараон, не оценивает ли, не запоминает ли, кто с кем говорит.

У самой первой колонны в леопардовой шкуре стоял Аменемхет — жрец Амона-Ра. Он сверлил Афири взглядом, будто пытался прочесть её мысли. По спине пробежал холод.

Перед троном выстроилась длинная очередь просителей. Каждый пришёл со своей бедой. Просьбы были одни и те же: неурожай, соседи, произвол вельмож. Торговцы с увесистыми кошельками на поясах пришли судиться из-за товаров. Из-за их спин выглядывала женщина с ребёнком-инвалидом на руках, которую бросил муж. Возле неё стоял старик, его вели под руки двое внуков.

Все они ждали своей очереди, чтобы упасть к ногам фараона и молить о справедливости. И каждый знал: повезёт, если уйдёт живым. Мернептах был не в духе.

Афири присмотрелась. Киниф стоял чуть поодаль, рядом с писцом, и что-то диктовал. По его бледному, осунувшемуся виду она поняла, что последние дни тот провёл в душных комнатах, считая зерно и заполняя бесконечные свитки. Но даже усталый, с красными от недосыпа глазами, он держался прямо.

— Я пойду, — сказала Афири.

— Подожди. Я позову его.

Хоремб исчез в толпе. Она осталась стоять у входа, перебирая пальцами. Платье скрывало дрожь, но внутри всё тряслось, как в лихорадке. Она нашарила взглядом трон, подумав: как этот человек может сидеть здесь, принимать жалобы, вершить судьбы, когда там, в темнице, гниет живо тот, кто был ему ближе брата?

Мимо прошёл стражник, покосился на неё, но ничего не сказал. Очередь просителей медленно двигалась — кто-то покидал зал с просветлённым лицом (проситель, которому повезло), кто-то — втянув голову в плечи (проситель, которого прогнали или, хуже того, запомнили).

Киниф заметил Афири и направился к ней.

— Что ты здесь делаешь?

— Пришла к фараону. Говорить о Ранфере.

— Бессмысленно! — Киниф отстранился. — Возвращайся домой. Молись богам. Немые изваяния услышат тебя лучше, чем он.

— Я хочу высказать ему всё, что думаю.

Киниф помедлил. Потом обречённо кивнул, как человек, который всё понимает, но не может отказать.

— Хорошо. Пойдём.

Он повернулся к писцу:

— Запиши: на приём к фараону пришла жена визиря Ранфера.

— Фараон запретил принимать родственников изменника, — испуганно прошептал юноша.

— Запиши, что пришла сестра царицы Нитокрис. Так подойдёт? — раздражённо бросила она.

Писец подозрительно оглядел её с ног до головы — оценил одежду, украшения и послушно вывел иератику на папирусе.

— Детей оставь здесь, — произнёс Киниф. — Они не вызовут у него жалости. Только злость. Напомнят, что у Ранфера есть семья, которую он мог потерять, если бы не... — он осёкся. — Словом, не провоцируй фараона лишний раз.

Она обернулась. Старший сын так равнодушно смотрел на происходящее, что у Афири сжалось сердце. Он уже всё понимал. Он видел этот зал, этих людей, сидящего на троне. И готовился к худшему.

— Я скоро, — сказала она. Голос предательски дрогнул. — Ждите здесь. Я вернусь.

Афири шагнула в зал. Чем дальше шла, тем сложнее становилось дышать. Она на миг подумала, что стоило сделать ещё глоток иначе просто рухнет в обморок от волнения.

«И хорошо, что не выпила! Мне нужна трезвая голова», — тут же убедила себя женщина.

Жара смешивалась с запахами: потом сотен людей, благовониями, которыми окуривали статую Амона в углу, вином, пролитым на пол, старым камнем, который за тысячу лет впитал все ароматы Фив.

У Афири закружилась голова, но она заставила себя идти дальше. Она шла за Кинифом, стараясь не поднимать глаз, однако чувствовала на себе чужое внимание. Придворные дамы зашептались, прикрывая рты веерами. Одна ткнула другую локтем, кивнула в сторону Афири. Вторая покачала головой, скривила губы. Третья засмеялась — коротко, зло, и сразу же уткнулась в веер. Сановники обменивались молчаливыми знаками. Кто-то поджал губы, кто-то отвернулся, кто-то, наоборот, беззастенчиво разглядывал её.

Лишь верховный жрец Аменемхет, казалось, сочувствовал ей, хотя Афири не верила, что это чувство ему знакомо.

Она шла сквозь этот строй, и каждый шаг давался с трудом. Ноги стали ватными, в висках стучало. Но она шла, молясь, чтобы не рухнуть от позора и бессилия.

Киниф остановился у края возвышения, поклонился:

— К великому фараону Мернептаху обращается сестра царицы Нитокрис — Афири.

И отошёл в сторону. Афири осталась одна.

Перед ней, в трёх шагах, на троне сидел Мернептах. Теперь, вблизи, она видела его лицо — молодое, красивое, но какое-то... пустое. Он смотрел на неё бездушно, как на вещь, губы сжались. Он махнул посохом и сказал:

— Чем обязан супруге изменника?

У Афири пересохло во рту, руки затряслись, пальцы свело судорогой. Она сцепила их перед собой и заставила себя говорить.

— Я пришла молить тебя. Упасть к твоим ногам. Но теперь вижу — слёзы тебя не тронут...

— Молить? Интересный способ. Обычно просители падают ниц. А ты стоишь.

Афири не шелохнулась. Даже если бы и захотела поклониться — не смогла бы.

— За что ты гневаешься на Ранфера? — спросила она. — Сначала ты возвеличил его, сделал владыкой половины Египта. И в тот же день бросил в темницу. Не слишком ли скор на решения Великий Дом?

По залу прокатился шепоток. Кто-то ахнул от такой дерзости. Нактамон, как истинный охотник, почуяв кровь, проснулся и пронзил Афири взглядом.

Мернептах медленно встал во весь рост. Женщины оживились при виде широкоплечего царя в короне, от которой, казалось, исходило сияние. Мелия косилась на красивых конкурентов.

— Он покусился на честь и жизнь моей супруги! — его голос громыхнул под сводами. — Кто он, как не изменник?

— Ты... ты даже не дождался, пока Нитокрис поправится. Через день после её *отравления* вводишь в дом дочь *отравителя*? — Афири указала на Мелию. — Ты волен взять в дом хоть сто жён. Но даже у фараона есть время для скорби и время для свадьбы.

— Отравителя? — переспросил фараон. — Теперь, думаю, всем понятно, почему ваше семейство страдает. Отпрыски Неферкары совершенно не следят за языком.

Афири промолчала — Мернептах подловил её. Мелия дышала через раз, вжавшись в трон. Нактамон наоборот подался вперёд, радуясь, что жена Ранфера дала волю гневу. Придворные дамы с выпученными глазами ждали продолжения. Афири сама не ожидала от себя такой откровенности, не узнавала ни себя, ни свой голос. Она вдруг ощутила неведомую доселе силу, распирающую грудь. Таковой она была очень давно — ещё до болезни. Не менее властной, чем сама Нитокрис, такой же смелой, как муж.

Женщина хмыкнула, осознав, что уничтожила последнюю возможность к отступлению. Слова рвались наружу, терять было нечего. Она кивнула в сторону Мелии:

— Ты клялся в верности перед богами. А едва Нитокрис слегла, ты готов забыть эту клятву? Где же твоя честь? Или изменник здесь не мой муж?

Мелия вспыхнула и заёрзала, активнее размахивая веером. Нактамон побелел так, что даже лысина посерела. По залу прокатилась волна — уже не шептались, не прикрывали рты, разговаривая вполголоса. Аменемхет подошёл ближе.

Мернептах вплотную шагнул к Афири. Так близко, что она почувствовала запах вина и благовоний, увидела красные прожилки в глазах.

— Ты забыла, перед кем стоишь. Перед тобой — Гор на троне.

— Я ничего не забыла, — Афири не отвела взгляда. — Ты уже взял у меня всё, что можно взять. Бояться мне нечего — разве что богов, но они видят правду. Ты поверил навету. Не велел спросить свидетелей. Не выслушал моего мужа. Это вздор, Мернептах. Не решение правителя, а глупость юнца, не понимающего, куда направить удил. Своё упрямство ты считаешь за твёрдость характера. Твой великий отец был не таков.

В зале стало тихо, как в гробнице. Даже просители в очереди замерли, боясь дышать. Многие в ужасе покинули зал.

Мернептах в ступоре стоял, сжимая посох так, что кожа на костяшках чуть не лопалась. Его лицо налилось кровью, губы сжались в тонкую полоску. Быть может, он и уступил бы, если Афири не сравнила его с Рамсесом.

— Да. Мой отец был великим, — произнёс фараон. — И потому мне каждый день напоминают об этом. Уже двадцать восемь лет. Ты сказала, что пришла полить мои ноги слезами. А вместо этого поливаешь грязью.

— Мернептах стал богом, но божественному статусу необходимо соответствовать. — Афири сама не верила, что говорит это. Но слова лились, останавливать их она не хотела. Стражники крепче сжали копыя, предвидя сигнал от фараона, но тот молча впитывал дерзости. — На голову надели корону, в руки дали золотую палку — и ты уже бог? Твоя кровь не чище Нила в разлив. Ты из второго десятка детей Рамсеса. Я доверяла тебе. Мои дети доверяли тебе.

Ранфер доверял тебе. И где мы теперь? В забвении.

Сановники замерли. Все ждали, когда же переполнится терпение фараона. Но тот не осерчал, а всего лишь вступил в игру, затеянную Афири.

— Да, я из второго десятка. Может, и из третьего. А твой муж — не сын Рамсеса вовсе. Однако на трон почему-то смотрел именно он.

Мернептах долго ходил вокруг неё, изучая каждую складку платья, вспомнив, что видел её в этом облачении на пиру. Наконец, он шагнул так близко, что между ними осталась ладонь расстояния.

— Если во мне бились два начала — одно за Ранфера, второе против, после твоего прихода второе окончательно победило. Ты пойдёшь в темницу. Не думай, что своей дерзостью ты навредила только себе. Нет! Твои дети будут просить милостыню на улицах Фив, пока не умрут с голоду на пороге моего дворца.

Афири обвела присутствующих взглядом. Никто не сочувствовал ей. Лишь в глазах Аменхета она уловила грусть — и это удивило её больше всего. Не будь он служителем Амона, преемником жестоких гонителей, которые притесняли Атона, Афири бы обратилась к нему. Но гордыня перевесила страусиное перо на чаше жизни.

На её удивление с поклоном выступил Нактамон:

— Государь, не стоит принимать такое решение сгоряча. Речь о первом визире.

— Я сам разберусь! — огрызнулся фараон.

Афири покачала головой.

— Я недооценила тебя. О, как я заблуждалась, Мернептах. Я думала, ты слеп. Теперь вижу: в тебе говорит безумие. Египет под тобой треснет. Твой благословенный отец сошёл бы с ума, видя, куда ты тащишь страну. Даже враг моей семьи встал на защиту...

Мернептах повернулся к залу и громко возвестил:

— Для жены изменника найти отдельную темницу. Ранфера казнить на рассвете. Я хотел его пощадить. Правда. Ты его похоронила! Слышали детки? — толпа тут же разошлась, открыв дорогу к детям Афири. — Ваша мать настолько бестолкова, что не думает, кто будет их кормить после смерти родителей.

Он небрежно махнул. Тут же подбежали стражники, схватили Афири за руки и рванули к выходу. Она закричала, забила в руках.

— Нет! — крикнула она. — Мернептах! Опомнись! Ты убиваешь невинного! Опомнись!

Но фараон уже сел на трон и принял кубок с вином. Мелия облегчённо выдохнула и заулыбалась во весь рот. Кто-то в толпе крикнул: «Еретичка», «так тебе и надо!».

Нактамон низко поклонился фараону:

— Великий государь принял верное решение. Амон благословит этот день. Мудро. Очень мудро.

Мернептах отхлебнул вина. Хоремб хмуро посмотрел на фараона, перевёл взгляд на Афири, которую уводили, и вышел из зала, не поклонившись.

Афири волокли туда, куда она надеялась больше никогда не ходить. Она кричала имя мужа, призывала кару на фараона, поминала имена самых чёрных богов. Крик тонул в гуле голосов, в равнодушном шёпоте придворных, в смешках сановников, которые уже обсуждали, кто станет новым наместником; сколько теперь будет стоить зерно и не пора ли готовиться к новой свадьбе фараона.

У входа, сжавшись в комок, стояли трое детей. Нахтмин смотрел на дверь, за которой исчезла мать, и молчал. Юба прижимал ревушую Исею. Старший брат скомандовал, и троица попятилась, боясь повернуться спиной. Дети исчезли в коридоре под гнётом сотен безмолвных взглядов.

Нахтмин не успел покинуть дворец — путь преградила стража. Их не отпускали до тех пор, пока к ним не подошёл Нактамон.

— Я поговорю с фараоном. Сегодня он просто не в настроении. Завтра всё может измениться.

— Не изменится, — покачал головой Нахтмин. — Завтра он и нас в темницу отправит.

— Я могу помочь вашей семье.

— У нас нет денег, — выпалил Юба.

Нактамон усмехнулся.

— Неужели ты считаешь, что мне их не хватает?

Юба смутился.

— Тогда чего Вы хотите, господин?

Казначей перевёл взгляд на Нахтмина.

— Когда-нибудь мне понадобится твоя помощь.

— Моя?

— Киниф рассказывал о тебе. Говорил, ты способный юноша.

— Он преувеличивает.

— Не думаю. Он сказал, не сыскать зодчего талантливее.

Нахтмин насторожился.

— Чем я могу быть полезен казначею?

— Не сейчас. Когда придёт время, я сам тебя найду.

— А если я откажусь?

Нактамон едва заметно улыбнулся.

— Тогда будем надеяться, что такого разговора больше не случится.

— Простите, господин, но я не могу обещать того, чего не понимаю.

Несколько мгновений казначей молча смотрел на юношу.

— Это ответ?

— Да.

Нактамон приблизился почти вплотную.

— Не хочешь по-хорошему? — тихо произнёс он. — Значит, однажды придётся по-плохому.

В этот момент к ним подошёл Киниф и кивнул стражникам.

— Проводите детей домой.

Нактамон отступил на шаг.

— Мы ещё увидимся.

Он развернулся и неторопливо ушёл.

Киниф дождался, пока казначей скроется за колоннами, и только тогда повернулся к детям.

— Вас что, жизнь совсем ничему не учит? Разве отец не говорил, что с казначеем и верховным жрецом лучше не связываться?

— Да он ему таких любезностей наговорил, что хоть новую пирамиду строй, — проворчал Юба.

— Идите домой, — устало сказал Киниф. — А я попробую понять, что здесь происходит.

Мернептах уже был готов отказаться от своих слов, но неожиданный разговор с Аменхетом вернул решимость. Через два дня Сенмут — управитель дворца и хранитель опакхала объявил: Ранфер будет казнен через усечение головы. Глашатаи хлынули в самые дальние закоулки Фив. Мернептах по настоянию сановников возжелал превратить казнь в публичное зрелище.

Фараон до последнего сомневался и считал такое наказание чрезмерно жестоким. Он догадывался: Ранфер оказался возле Нитокрис невовремя, а придворные только и ждали его осечки. Справедливость можно было восстановить иным способом, но признать ошибку прилюдно — значило потерять лицо. Он знал: характер жены не вылечить. Её слова жгли память. В бреду мыслей он подумывал положить на плаху и её тоже.

В первый день месяца шему на главной дворцовой площади собралась толпа. Люди занимали места с самого рассвета. Торговцы бросали лавки, рыбаки оставляли сети, ремесленники

забывали о делах. Женщины вели за собой детей, старики, опираясь на посохи, тоже спешили к площади. Даже проводить Рамсеса в последний путь пришло меньше людей.

Стражники вели Ранфера по дороге, и ни один человек не бросил ему в лицо обвинения. Это расстроило Мернептаха, в очередной раз заронив в душу семя сомнения. Приговорённый шёл с опущенной головой, с полузакрытыми веками, пытаясь закрыться от солнца.

Фараон велел вынести самый тяжёлый парадный трон, который обычно ставили после военных триумфов. Справа от него сидела Мелия — разодетая, разрумяненная, счастливая. Слева необычайно задумчивый Нактамон, впервые застывший над одной мыслью дольше секунды.

Мернептах махнул Кинифу, требуя речи. Вельможа шагнул вперёд и... замер. Потом медленно вернулся на место. Брови фараона поползли вверх.

— Хочешь пойти следом?

Тот не ответил — изучал разномастную толпу. Мернептах вдруг осознал: Киниф был готов отправиться следом за родственником — лишь бы не открывать рта.

Разгневанный фараон щёлкнул пальцами. К народу вышел Нактамон. Тот напустил печальный вид и подозвал слугу с рупором.

— После смерти человека его душу взвешивают на особых весах, — начал он. — На одной чаше — пёрышко Маат. На другой — душа. Если перо перевесит — душа обретает вечную жизнь...

Взгляд говорящего упал на Ранфера. Тот, наконец, открыл веки и равнодушно осмотрел публику. Он устал и мечтал, чтобы всё поскорее закончилось.

— ...а если нет — чудовище Амаат пожирает её. Навечно. Без следа. Святотатцы и клятвopеступники...

Мернептах оборвал его на полуслове. Ему надоело, он ждал другой речи, которая оправдала бы его перед богами и самим собой. Фараон впервые проводил показательную казнь, и уже пожалел, что затеял её. Он всматривался в толпу — в мрачные лица, искажённые слезами. Потом его взгляд задержался на Ранфере и палаче.

Установилась тишина. Слышалось, как ветер шелестел в пальмах. Мернептах медлил. Рука не поднималась. Он думал, что один взмах сейчас навсегда уничтожит его репутацию. Люди запомнят не справедливого фараона, а того, кто казнил из принципа. Он читал по лицам негодование.

Наконец, он решился и кивнул.

Стражник схватил Ранфера за волосы, но измученный мужчина вдруг обрёл силы и вырвался. Фараон выставил руку, запрещая трогать приговорённого. Ранфер повернулся к Мернептаху. Тот выдержал его равнодушный взгляд, но невольно крепче сжал подлокотник трона. Ранфер отвернулся и покорно положил шею в выемку.

Палач занёс меч. Клинок блеснул на солнце, замер на миг в верхней точке и опустился. Толпа выдохнула.

Голова скатилась с помоста и покатилась в пыль. Обезглавленное тело в кандалах обмякло и глухо рухнуло на помост. В толпе раздались крики и плач. Кто-то рванул прочь, но большинство замерло, не в силах отвести глаз.

— Убийца! — раздалось из толпы.

Мернептах кивнул. Хоремб нехотя выставил заслон из копейщиков. Толпа отступила, но не разошлась, застыв молчаливым укором.

Глава 3

При Рамсесе Египет походил на обелиск из цельного гранита. Соседи не уставали восхищаться величием страны зодчих. Но внутри всё пребывало в самом бедственном состоянии.

Рамсес II оставил после себя Абу-Симбел, Рамсессей, гигантские статуи, но это величие стоило стране невероятных сил. Стройки пожирали людей, зерно и ресурсы. Фараон-созидатель испил Египет до дна.

Во второй половине правления каменоломни забрасывались, надписи становились короче, золото с Нубии текло хуже. Налоги взлетели до небес. Сановники, спасая казну, грабили крестьян. К концу правления Рамсеса простые люди жили в бедности и страхе, в то время как карманы вельмож толстели.

Мернептах получил в наследство не процветание, а долги, пустую казну и брошенные стройки. Едва он сел на трон, люди почувствовали разницу — растерянный юнец не знал, с чего начать. Бездействие только раздражало чернь. Ему же казалось, что прежде чем делать, нужно хорошо всё обдумать. В мечтах он возводил памятники не хуже рамсесовских, а Хатти и Ливия покорно падали к его ногам. Но каждое распоряжение тонуло в склоках, а интриганы тащили всё, что плохо лежало.

Знатные роды, уставшие от железной руки Рамсеса, теперь рвали страну на куски. Каждый мечтал стать маленьким фараоном в собственном номе.

Заметнее всех выделялся казначей Нактамон. Его семья веками управляла казной и скопила огромные богатства. Он окружил себя нужными людьми, наложив лапу и на дворец, и на стройку.

Лишь верховный жрец Аменемхет и начальник армии Хоремб оставались неподкупными. Визирь Ранфер и вовсе оставался недостижимым.

Пока советники обещали фараону новые доходы, Ранфер требовал переписи населения, облегчения налогов и ограничения храмовых земель. Номархов развелось чуть ли не под сотню, и визирь хотел их урезать.

Такие предложения были невыгодны всем, кто привык извлекать выгоду из существующего порядка. Они дружно называли Ранфера выскочкой, зазнавшимся идеалистом, опасным мечтателем, который не понимает, «как устроен мир». Советы вельмож звучали разумно, однако противоречили друг другу. Мернептах откладывал решение до завтра. Завтра превращалось в месяц.

Люди роптали на налоги всё громче, а местные правители всё реже обращали внимание на столицу. Фараон замечал перемены, но не понимал их причины.

В кризисные времена простолюдины вспоминали о великой святыне — нагрудном украшении фараона Нармера. До него две земли веками жили рядом, но оставались чужими друг другу. Только их соединение сделало Египет великим. Верхний Египет символизировали крылья коршуна, Нижний — серебряный анкх с сапфиром. Вместе они составляли сбрую Нармера. Во времена фараона-реформатора Эхнатона реликвии разделились и отошли к враждующим сторонам — Атону и Амону-Ра. Анкх впоследствии затерялся в песках Ахетатона. А ожерелье оказалось в гробнице Супруги Амона — Нехбет.

Находились охотники, которые клялись добраться до ожерелья и закончить дело Эхнатона. Но Нехбет не прощала легкомыслия. Гробница забирала всех, кто приближался к её тайне.

Мернептах сожалел, что поддался гневу и накинулся на Афири. Но он был фараоном. Не мог оправдываться перед простыми смертными.

Великий Дом был богом на земле, но даже его не щадила тоска. Он стоял в пустом зале, не сводя глаз с трона. Слёзы катились по лицу. Не поворачиваясь к страже спиной, Мернептах указал им на дверь.

В тронный зал пришёл Хоремб. Тот обладал невероятным талантом приходить не вовремя. Наверное, по этой причине он делал для уличного порядка больше, чем меджай.

Он один из немногих, кто разговаривал с фараоном на равных. При Рамсесе Хоремб обучал его ратному делу. И как бы Мернептах ни пытался искоренить лёгкость в их общении, тот по-прежнему гнул свою линию, порой разговаривая с ним как с учеником.

Игнорируя церемониал, Хоремб направился к трону, но Мернептах поднял руку.

— Будет ли у меня минутка, когда я могу побыть один? — проворчал он.

— Я пришёл поговорить о Нактамон.

— Хочешь его обвинить в смерти Ранфера? Ты не первый. Да, может, он и желал его падения больше прочих, но с таким же успехом на роль главного интригана может претендовать и Птахотеф, и Сенмут.

Фараон вытер щёки и поманил Хоремба.

— Виноват тот, кто стоит над ними.

— То есть — я? — спросил фараон.

— Нет, государь. Я не о тебе. Великий Дом стоит над всем Египтом, а они лишь кучка алчных прихлебателей. Я имел в виду, что над ними стоит Нактамон.

— А над ним — верховный жрец Аменемхет. Но вот в чём загвоздка: пока все надрывали глотки, прося защитить честь Нитокрис, которую все ненавидят, Аменемхет оказался более сдержан. Порой мне кажется, что на него наговаривают.

— Наши пути почти не пересекаются. Не могу сказать, где правда, а где — ложь.

— Счастливый человек, — улыбнулся фараон.

— Я всего-то хотел сказать, чтобы ты прислушивался ко всем советам. И к моим тоже. Не всё, что предлагает Нактамон — полезно.

— Ты пришёл предупредить меня? Я понял тебя, Хоремб. Какими бы связями ни обладал Нактамон, никогда в жизни он не покусится на божественную власть Великого Дома. Или ты предлагаешь мне подвергнуть опале будущего тестя?

Хоремб сдвинул брови.

— Женильба?

— У моего отца было больше ста детей. А у меня их только два десятка, но ни одного — от царицы. Мне нужен наследник.

— Надеюсь, в скором времени царица зачнёт.

— Иногда мне кажется, ты беспокоишься об этом больше меня, — фыркнул фараон. — Лучше скажи мне, что там с Кинифом?

— Уверен, он благополучно добрался...

— Я не об этом, — Мернептах взял цеп, постукивая им себя по бедру. — Придворные уверяют, будто он слабый переговорщик. Заключит невыгодный мир. Уступит земли, которые мой отец завоевывал.

Хоремб подался вперёд.

— Кто такое сказал?

— Не важно, — фараон отвернулся. — Важно, что они правы. Я поставил его, а теперь сомневаюсь. Киниф будет кивать, соглашаться, подписывать всё, что ему подсунут. А потом... потом у меня появится повод. И мне придётся расплачиваться за его некомпетентность.

Хоремб помолчал. Потом глухо сказал:

— Вы надеетесь, что он провалит переговоры? Чтобы начать войну?

Мернептах не ответил.

— Ты хочешь войны с хеттами, государь? — не унимался Хоремб. — Но у нас нет на неё средств. Твой отец, да будет он славен, оставил нам в наследство величественные храмы, пустые амбары и полные долговые расписки. Мы не можем прокормить армию. Солдаты даже толком не одеты. Самое новое обмундирование — то, что осталось от Кадеша.

— Твои слова даже не пощёчина. Это удар под дых...

— Государь, — Хоремб подошёл вплотную. — Киниф не провалит. Он сделает свою работу и вернётся с договором. И всё останется как прежде.

— Ты так уверен?

— Я знаю его. А ты, государь, слушаешь тех, кому выгодно, чтобы ты ошибся.

Мернептах сжал кулаки.

— Ты считаешь, я не способен на войну?

— Я считаю, ты способен на многое. Но не сейчас. Ты едва-едва взял в руки цеп и посох. Всё впереди. Рамсес никуда не торопился, был последователен.

— Так делали все фараоны.

— Армия не выигрывает войну обещаниями. Нам нечем кормить людей.

— Тебе легко говорить! На твоих плечах нет той ответственности. Что скажет народ?

— Рано делать выводы. Как говорила моя супруга: «Неважно, каким усопшего запомнят люди. В тенетах Анубиса все равны».

— Какое опасное изречение, — косясь на военачальника, бросил Мернептах. — И ты не хочешь войти в историю?

— Мы войдём в историю в том виде, в каком нас изобразят на стенах. К сожалению, это зависит не от нас.

— Ты мудро рассуждаешь, Хоремб, — фараон вспомнил, сколько моментов из жизни его отца молва прямо-таки вознесла до небес. — Что ж, пусть Киниф посидит вдалеке от наших войн.

— Что будет с женой и детьми Ранфера?

— Ничего. Если больше не появятся во дворце, им ничего не грозит.

— Я слышал, Афири захворала.

— Это не моя забота. Пусть Нитокрис разбирается со своей роднёй.

После казни отца Нахтмин не спал всю ночь. Он лежал на циновке, изучал потолок, и вспоминал последний разговор с отцом. Это случилось за неделю до ареста, в саду. Ранфер позвал его, якобы чтобы обсудить переезд в Мемфис.

— Сын, — сказал отец. — Если со мной что-то случится... ты должен знать.

Нахтмин хотел перебить, сказать, что ничего не случится, но отец поднял руку.

— Мать больна. Не тем, о чём говорят лекари. Всё намного хуже. У неё Печать Анубиса¹. Это бич нашей семьи — всех женщин гнилыми устами поцеловал шакалоголовый бог. Рано или поздно болезнь замучит Афири до смерти. Но прежде она сойдёт с ума. Чтобы припадки не были столь частыми, тебе придётся давать ей лекарство. Оно называется Слёзы Осириса².

— Что это, отец?

— Это не совсем лекарство, хотя всего его так называют. Каждая капля облегчает боль сегодня и усиливает её завтра. Тебе нужно покупать эти Слёзы для матери.

¹ Печать Анубиса — так в романе называют порфирию (прежде всего её тяжёлую врождённую форму, известную как болезнь Гюнтера) — редкое наследственное заболевание, при котором нарушается образование гема. Болезнь вызывает мучительную чувствительность к солнечному свету, поражение кожи и внутренних органов, деформацию тканей, а в тяжёлых случаях сопровождается сильными болями, судорогами, галлюцинациями, психическими расстройствами и другими поражениями нервной системы. В древности подобные проявления нередко воспринимались как проклятие или одержимость. Симптомы Афири являются художественной интерпретацией этого заболевания (прим. автора).

² Слёзы Осириса — вымышленное средство. Его свойства, происхождение, последствия употребления и связанные с ним события являются элементом художественного вымысла. (прим. автора).

— Я не знаю, где их взять, — растерянно ответил Нахтмин.

— Знаешь, — Ранфер достал из-за пазухи небольшой папирус. — Здесь имя человека и где его найти. Он брал золото, я получал лекарство. Однажды я помог ему, и теперь он мне обязан. Скажешь, что ты мой сын, и он поможет. Только ничего не говори Юбе. Эта тайна не должна покинуть стены нашего сада.

Нахтмин взял папирус, сжал в кулаке.

— А если...

— Если я умру? — жёстко перебил отец. — Он всё равно поможет. Где золото, ты знаешь.

— Я не это хотел сказать, отец, — насупился юноша.

— А я — это. Всё в руках богов.

Они обнялись. Ранфер ушёл в дом, а Нахтмин спрятал папирус в тайник. Тогда он ещё верил, что отец ошибался в своих предчувствиях. Но ошибся.

Нахтмин мечтал стать зодчим. Отец и Киниф брали его на стройки, показывали чертежи. Теперь всё сторело. После казни Ранфера они попали в немилость. Даже тётка Нитокрис оказалась бессильна. Нахтмин пытался поговорить с матерью о царице, но та и слышать не желала. Он украдкой поглядывал на мать, её поведение и не узнавал. Это была не она — кто-то чужой, лишь внешне похожий на ту женщину, что растила их.

Афири всё чаще молчала, больше времени проводила с дочерью, лихорадочно осматривая её лицо и зубы. Тяжёлый недуг, как червь, точил силы, но заточение мужа на миг разбудило в ней волю к жизни. Однажды что-то надломилось внутри неё — она проснулась с помутнённым рассудком, словно превратившись в ребёнка. Целыми днями она тлела в полумраке, боясь даже встречаться с солнцем.

Теперь Исея не отходила от матери и изредка вливала ей в рот приторную красную жидкость, чтобы та не стонала. Весь мир упирался в один флакон. Без него Афири кричала на пустоту, хохотала над тем, чего не было, а иногда вдруг затихала и шептала — будто с кем-то говорила. Нахтмин искал обходные пути, вспоминал друзей и должников отца — все отвернулись. В эти минуты он догадывался для какой цели отец приладил к комнате матери тяжёлый засов. Он возвращался к папирусу, шепча имя торговца и название лекарства. Наблюдая за светобоязнью матери, он решил, что всё это время лишь Слёзы поддерживали её силы. В руках Исеи остался последний флакон.

Утром он пошёл в место, указанное отцом. Человек оказался торговцем с восточного рынка — неброским мужичком, с нагловатым прищуром.

— Ты Усеркаф?

Мужчина негодуя смирил Нахтмина. Выслушав его, он долго молчал, потом покачал головой.

— Ты часом не сын визиря?

Тот кивнул.

— Проваливай! — мужчина лениво пошевелил пальцами.

— Мне нужны Слёзы Осириса!

— Пойди поплачь и будут тебе слёзы.

— У меня есть деньги! — Нахтмин в отчаянии достал мешочек и позвенел, надеясь разжалобить.

— Ранфер считал, что был моим другом? — с насмешкой отозвался Усеркаф. — Но Ранфер приносил деньги, получал товар. Мы партнёры — не больше. Теперь он мёртв, а я должен и дальше кормить семью. Лекарство стоит дорого. Очень дорого.

— Отец говорил, что помог тебе. Ты ему обязан.

— Я? Обязан? — торговец усмехнулся. — Мальчик, ему я точно ничем не обязан. Хочешь лекарство — неси золото. Сколько принёс с собой?

— Пятьдесят золотых за десять порций.

Усеркаф задумался. Внутри шла мучительная борьба, но она быстро разрешилась, едва глаз зацепился за солдат Маахеса, шастающих по рынку.

— Ты опоздал парень. Для тебя порция теперь стоит пять тысяч.

— Как? Отец сказал...

— Мало ли что он тебе сказал.

— Если бы ты сказал пятьсот, я бы ещё подумал. Но пять тысяч... Ты же знаешь: у меня нет такой суммы. Думаю, ты был бы рад получить и пятьсот.

— Парень. Это не имеет значения. Ты — сын изменника. С тобой связываться — себе дороже. Если меня схватят, я ничем не откуплюсь. Уж лучше, поясок подвяжу, но с тобой связываться не буду. Проваливай!

Нахтмин вышел от него с пустыми руками и чувством, что земля уходит из-под ног. Но на этом беды не закончились. Дома хозяйничали солдаты. Дом бывшего визиря стремительно пустел. Всё ценное уже лежало на телегах или переходило из рук в руки.

На все вопросы Нахтмин получил лишь короткий ответ:

— Приказ фараона. Имущество изменника подлежит изъятию.

— Здесь нет ни одной вещи, подаренной Великим Домом.

Вспышку ярости Нахтмина погасил тяжёлый удар в живот.

В самом конце солдаты вошли в комнату Афири. Это оказалось единственным местом, откуда они ничего не забрали.

— Это Афири? Сестра царицы?

— Не может быть, — поморщился второй. — Афири была красавицей...

Он подошёл ближе.

— Что с ней?

Нахтмин молчал.

— Она больна, — ответил Юба.

Солдат долго смотрел на женщину.

— Лечите её хоть чем-нибудь.

— Нечем.

— Совсем?

Солдат достал маленький пузырёк, сделал крошечный глоток и убрал обратно.

— Помогает от всех болячек.

— Ты лечишься Слезами Осириса? — удивился Нахтмин. — Видимо, на службе Великого Дома хорошо платят. А нас с братом не возьмут?

— Вас теперь даже мыть пол в таверне не возьмут.

Он снова посмотрел на Афири.

— Что, совсем не лечите? Вот уж не думал, что Ранфер воспитал неблагодарных.

— Мы не знаем, где брать зелье, — Нахтмин кивнул на пузырёк.

— Тогда слушайте внимательно. Если будете искать Слёзы Осириса, берите только у людей с отзывом: «Первый зелёный — Птах, второй зелёный».

— А продавца как узнать?

— Второй отвечает: «Осирис». Другим не доверяйте. Половина торгует дрянью, а тут — чистый товар. Вашей матери сейчас другое не поможет. Только красная слеза бога Осириса.

Мужчина хлопнул Нахтмина по плечу.

— Берегите её.

Солдаты ушли.

— Дал наводку, но забрал все деньги. Хорош, ничего не скажешь, — фыркнул Юба. — Фараон настолько ненавидит отца, что готов ободрать нас до последней нитки?

— Не знаю, — Нахтмин с удивлением заметил, что уже не смотрит на разгромленный дом. Мысли были заняты совсем другим. — Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Нахтмин вкратце поведал разговор с отцом и неудачу с Усеркафом.

— И почему ты молчал? — с обидой произнёс брат.

— Отец не велел говорить.

— Ну да. Ты же первенец — любимый сын...

— Перестань, Юба! У нас больше нет отца, зато есть большая проблема.

— Пять тысяч? У нас нет таких денег, — прошептал Юба. — У нас теперь вообще ничего нет. Ни единой монетки! Даже Бакар ушёл. Исея с мамой поменялись местами. Завтра и вовсе Апопис победит Ра.

— Бакар ушёл? — разочарованно произнёс Нахтмин. — Беда не приходит одна.

— Нам было нечем ему платить. Думаю, не в этом дело. Он боится мамы. Признаюсь, я сам её боюсь...

— Сосредоточимся на другом. Надо искать другие пути. Мы должны раздобыть Слёзы, Юба.

— Теперь у нас есть пароль, но нет денег на лекарство. Как он сказал: «чистый товар»? Уверен, за него берут много. Слышал, на западном рынке у статуи Сехмет можно обменять вещи и украшения на деньги. Только теперь мы выторгуем пару капель, — Юба окинул пустые стены.

— У нас есть, что обменять, — Нахтмин отвёл взгляд. — Но сначала надо найти место и человека, кто бы согласился нам продавать. Завтра пойдём вместе.

— Давай лучше я прогуляюсь один. Ничего с собой не буду брать, схожу на разведку. Побудь с мамой, присмотри за ней. Я бы побоялся оставлять Исею одну.

— Рано или поздно нам придётся найти сиделку.

— Будь у нас золото всего мира, никто не согласится пойти в услужение к семье вельможи-предателя.

— Что-нибудь придумаем. Ты иди. Я схожу до Нитокрис. Этот произвол должен когда-то закончиться...

— Сомневаюсь, что она поможет. Но идея неплохая. Как говоришь называется эта штука?

— Слёзы Осириса.

— Я неправильно выразился... Из чего его делают?

— Говорят, основой служит особое храмовое растение.

— То есть, купить его можно только у жрецов?

— Наверное. Иначе бы отец не покупал его втайне ото всех.

В комнате появилась Исея.

— Твоя невеста пришла.

— Какая? — сердце Нахтмина провалилось.

— У тебя их разве так много? — посмеялся Юба. — Нейтида!

Нахтмин сорвался в сад. За воротами маячил силуэт девушки. Большеухая, раскрасневшаяся, с беспокойно бегающими глазами, она прошмыгнула в ворота. Нахтмин буквально вжался в неё. Из-за навалившихся забот он вообще забыл о её существовании.

— Что ты здесь делаешь?

— У меня мало времени. Пока отец во дворце, выкроила минутку. Как у вас дела?

— Как видишь.

— У вас есть продукты? Прости я совсем пустая. Бежала налегке! Что я могу для вас сделать?

Нахтмин вздохнул, не решаясь спросить.

— Ладно. Всё равно терять нечего... Ты знаешь, что такое Слёзы Осириса?

Девушка отпрянула.

— Эта дрянь погубила маму.

— В самом деле? А сейчас губит нашу.

— На них надо много денег.

— Мы с братом найдём способ заработать.

— На Слёзы можно заработать только на царской стройке, будучи начальником этой самой стройки. Тебе как...

— Как *изменнику* туда путь закрыт. Говори, не стесняйся. Я это понимаю, Нейтида. Мы выждем момент. Рано или поздно всё уляжется.

— Хорошо. Только я так и не поняла, зачем Афири Слёзы Осириса?

Нахтмин в двух словах рассказал о болезни и поиске Слёз. С каждым предложением черты лица Нейтиды заострились. К концу рассказа девушка поняла, что всё ещё хуже, чем о том сплетничали при дворе.

— А без них маму не спасти?

— Я вообще ничего не знаю, Нейтида, — умоляюще произнёс Нахтмин. — Я понятия не имею, что это за дрянь. Почему-то о ней слышали все, кроме нас с братом. Но мы раздобыли пароль «Первый зелёный — Птах, второй зелёный — Осирис».

— Я бы попробовала раскопать имя какого-нибудь торговца. Порой мне кажется, что в школе только об этом и говорят. Но если отцу донесут, что я интересуюсь Слезам, мне несдобровать...

— Он против меня? Не хочет, чтобы мы общались?

— Папа хороший человек. Он считает тебя достойной партией... Считал... Говорит, что жизнь обошлась с тобой несправедливо и... и если я продолжу с тобой общаться, значит, безответственно отношусь к своему будущему.

— В чём-то он прав.

— Мне нужно тебе кое-что сказать...

Она открыла было рот, но поджала губы. На кивок Нахтмина девушка всё же решилась.

— Отец встречался со жрецами. Он отменил нашу помолвку...

— В самом деле?

— Если мой отец что-то и обещал твоему — это явно не свадьба. Пойми меня, я совсем не рада такому раскладу. Но что от меня зависит? С отцом происходит что-то непонятное. Он стал много пить.

— Я тоже близок к этому, — усмехнулся Нахтмин. — Постой! Хоремб пьёт?

— Я бы тоже не поверила, если бы не видела сама. Это ещё не самое страшное.

— Что может быть страшнее?

— Он хочет убрать охрану от маминой гробницы.

Нахтмин не нашёл слов.

— Всё наладится! — он слышал свой притворный тон, но не придумал ничего лучше, как ещё можно поддержать её и себя. — Раз помолвка расторгнута... значит, Хоремб открыт к новым предложениям?

— Не думаю. Он же простолюдин. Мама тоже была. А кто я? Вот тебе и ответ. Я разузнаю имя.

Нахтмин не верил, что не найдётся сановника, который не поступился бы принципами ради родства с Хорембом. «*Найдутся охотники. Дело времени*», — угрюмо подметил он, понимая, что проиграл везде.

Два дня спустя Нейтида узнала, что пароль принадлежит торговцам Нактамона. Нахтмин не знал, как относиться к этой информации. Но выбора не было.

Юба был младше брата на три года, но в чём-то оказывался проворнее. Он не умел считать быстрее писцов, зато умел разговаривать с людьми. Чувствовал, кому можно верить, а кто продаст любого за горсть меди. В последние дни это умение спасло их не раз — Юба ходил на рынок, выменивал еду, улаживал ссоры со слугами.

Он пробирался сквозь толпу, то и дело отпихивая особо навязчивых торговцев. Со всех сторон на него наседали запахи — жареное мясо, рыба, специи, пот, благовония, ослиный навоз. Всё это смешалось в такую густую кашу, что к полудню закружилась голова.

— Купи амулет, юноша! — тучная женщина с дряблой кожей совала ему в лицо связку глиняных фигурок. — От сглаза. От порчи. От женского коварства.

— А от несправедливости есть?

Лицо женщины замерло в недоумении, Юба усмехнулся и пошёл дальше.

Он обошёл уже треть рынка. Северные ряды, где торговали зерном и овощами. Западные — с мясом и рыбой. Восточные, где сидели менялы и ростовщики. Везде одно и то же: люди отворачивались, едва слышали его вопрос.

— Слёзы Осириса? — переспросил тощий старик с жидкой бородёнкой. — Первый раз слышу. Что это?

— Лекарство такое.

— Лекарство? — старик хмыкнул. — Тут лечат только медяками. За лекарством иди в храм.

— Первый зелёный — Птах, второй зелёный...?

Тот посмотрел на парня и уткнулся в свой товар.

Юба сжал кулаки и пошёл дальше. Последние несколько лавок ему попадался один и тот же лысый мужчина. То возле торговца тканями, то возле менялы, то у рыбных рядов. Стоило Юбе поднять голову, как тот неизменно оказывался неподалёку.

«Показалось», — решил мальчик. — «Или это разные люди. Половина Фив — лысые».

Снова и снова он бормотал себе под нос:

— Первый зелёный — Птах, второй зелёный...

— Мальчик! Подойди ко мне.

Он обернулся. Из-за прилавка с глиняной посудой на него уставился смуглолицый торговец с длинными бровями, подведёнными сурьмой почти до висков. Глаза у него были бегающие, но цепкие. Казалось, он насквозь видел Юбу, прикидывая, чего тот стоит. Его спутником был тот самый лысый мужчина с маленькой бородкой клинышком. В отличие от торговца он не улыбался, а лишь надменно изучал мальчика.

— Подойди-ка.

Юба увидел амулеты, статуэтки богов, засохшие травы в мешочках и пару глиняных свечей с тёмными следами копоти.

— Что ищешь? — спросил торговец, разглядывая его с ног до головы. — Ты уже час здесь бродишь. У всех спрашиваешь, ничего не покупаешь. Так не годится. Что ты там говоришь?

— Первый зелёный — Птах, второй зелёный?

— Осирис. Что тебе нужно?

— Я ищу лекарство, — оживился Юба, услышав ответ на пароль. — Слёзы Осириса. Это, кажется, как-то связано с лекарством, которое продается в храме.

Торговец прищурился. Помолчал. Потом вдруг улыбнулся жёлтыми, кривыми зубами.

— Кемон к твоим услугам, — представился он. — Ты уже четвёртый день спрашиваешь не тех людей.

Юба нахмурился.

— Второй вообще-то.

— Выходит, мои люди плохо считают. Значит, Слёзы? Знаю, знаю. Это жреческая работа. Немногие посвящённые умеют готовить эти Слёзы. Секрет передаётся внутри храма уже многие поколения. Говорят, сам Осирис открыл его Нехбет. В храме Амона за флакон берут сорок монет. На чёрном рынке чуть дороже. Риски, сам понимаешь.

— Если поймают, головой в Нил окунут, — сказал мужчина рядом. — Маахес сейчас так осерчал, что каждый день ловит или торговца или гробокопателя. Вот и цена соответствующая, мальчик. Лучше будем голодными и мы, и крокодилы.

— Это же лекарство. Что в нём плохого?

Кемон оскалился, но тут же посуровел. Его собеседник улыбался.

— Впервые вижу такого наивного покупателя. Но что с тебя взять, ты же ребёнок! Скажу сразу: денег надо много.

— Пять тысяч за порцию? У меня столько нет.

— И где вы такие цены находите? — ухмыльнулся соратника Кемона.

— Знаю, что нет денег, — Кемон наклонился через прилавок, понизил голос. — Сын казнённого визиря — какие у тебя могут быть деньги? Всё забрал фараон. А что не забрал, разворовали слуги. Я прав?

Возразить Юбе было нечем.

— Но я могу достать тебе Слёзы, — продолжил Кемон. — Если ты принесёшь кое-что для меня.

— Что?

Кемон нырнул под прилавок и появился с горстью украшений: серьги с зелёными камнями, массивный золотой гребень, кольцо с печаткой.

— Узнаёшь?

Юба всмотрелся. Серьги показались смутно знакомыми — такие носила царица Нитокрис, кажется. Или нет? Незнакомец у прилавка в это время сверлил мальчика недобрым взглядом, и от этого Юбе хотелось провалиться сквозь землю.

— Это... из гробницы? — догадался он. — Или из комнаты царицы Нитокрис. Даже не знаю, что хуже...

— Умный мальчик. — Кемон кивнул. — Вещички царицы Хатшепсут. Год назад осквернили её гробницу. Может, слышал? Теперь мы с товарищем собираем коллекцию, выкупаем украшения у живых и мёртвых. Здесь не достаёт ожерелья. Если мне не изменяет память, царица Нитокрис подарила твоей матери пектораль такого же цвета, как и эти побрякушки.

— Откуда ты знаешь?

— Ты точно сын визиря? — уточнил мужчина с бородкой. — Об этом все Фивы знают. Царица подарила ожерелье твоей матери на праздник Хапи.

— Оно тоже принадлежало Хатшепсут. — вставил Кемон. — Почему не отправилось с ней в ладье — не знаю. Что-то мне подсказывает, в вашем доме слуги его не нашли...

Мальчик похолодел. Он понятия не имел, где хранилось ожерелье и откуда Кемон был так хорошо обо всём осведомлён. Мать надевала его однажды — в день свадьбы. А потом спрятала, считая себя недостойной такого украшения. По крайней мере, так говорил отец.

Юба открыл рот, подыскивая достойный ответ.

— Не могу, — выдохнул он. — Это фамильное...

— Фамильная ценность, которая спасёт твою мать, — перебил Кемон. — Принеси ожерелье — получишь десять порций Слёз. Хватит на месяц, а то и на два. А без него... — он развёл руками. — Сам знаешь. Ну, и бесстыдник же ты! Поставил какую-то безделушку выше жизни матери.

Юба перестал различать слова. Перед ним лишь шевелились губы и блестели глаза. В голове стучала одна мысль: *«десять порций, десять порций, десять порций»*.

— Двадцать, — сказал он.

— Что?

— Двадцать порций за ожерелье. Не десять.

Кемон удивлённо поднял брови. Потом вдруг каркаяще расхохотался. Друг присоединился к нему, давась от смеха.

— Торгуешься? Хорошо. Одиннадцать.

— Порция стоит пятьдесят монет. Выходит, ты пытаешься у меня перекупить вещь, которая стоит полторы тысячи. Тридцать порций не прошу. Хотя бы двадцать.

— Тринадцать, — возразил торгош. — Вам никто его не продаст кроме меня. Всех припугнули, малыш. Только я могу вам подсобить.

— А тебя, значит, не пугали? Восемнадцать.

— Пуганный уже! — осклабился Кемон. — Пятнадцать. И это моё последнее слово.

— Идёт.

— Завтра в полдень, — сказал Кемон. — Работа не нужна?

— Что за работа?

— Прибыльная. Будет интересно, ты знаешь, где меня искать.

Юба кивнул и пошёл прочь. Ноги несли его сами. *«Пятнадцать порций. Насколько их хватит. А дальше? Потомки оставили только одно украшение. А потом можно и подработать».*

Кемон кивнул, и за юношей увязался вездесущий лысый мужчина.

Дома его ждал Нахтмин. Тот безуспешно проторчал полдня у дворцовых ворот.

— Ну? — спросил старший брат, едва Юба переступил порог. — Может, у тебя дела лучше?

— Нашёл. Но не всё так просто.

Нахтмин поднялся с циновки. Впервые за несколько дней его глаза ожили.

— Где? Кто продавец? Сколько берёт? Пятьдесят золотых?

— Торговец на главном фиванском рынке. Зовут Кемон, — Юба присел. — Просит ожерелье Хатшепсут. У нас, кажется, есть такое?

Нахтмин замер.

— Тётя Нитокрис никогда не жаловала маму. Спяну подарила ожерелье, а сейчас торговец его просит в обмен на Слёзы. Любопытно.

— Значит, оно осталось? Кемон даст за него пятнадцать порций.

— Пятнадцать? — Нахтмин провёл рукой по лицу. — А дальше что? Флакона хватит на месяц, и мама снова будет не в себе. И что тогда? Снова нести украшения? Не подумай, мне не жалко эти побрякушки. Да, они передаются из поколения в поколение, но от них всё равно никакого проку. Лучше буду с живой матерью, чем без неё жадно хвататься за каждую блестяшку. Вся проблема в том, что у нас их по пальцам пересчитать.

Юба молчал. Было страшно приоткрывать завесу будущего дальше, чем на один день.

— У нас есть выбор? — тихо спросил он. — И вообще — где это знаменитое ожерелье? Мне казалось, слуги обнесли нас вдоль и поперёк.

Нахтмин подошёл к стене, где за циновкой был скрыт тайник. Отодвинул доску, запустил руку в углубление.

— Мама припрятала его, когда садовник заграбастал себе её серьги и испарился.

— И почему я снова узнаю об этом последний? — буркнул Юба.

— Разве не помнишь, что отец показывал нам *это*? — спросил Нахтмин, не оборачиваясь. — Надо знать не вещь, а где она находится. Главный тайник из года в год не менял местоположение.

Юба смутно помнил. Отец показывал это место пару лет назад, когда Нахтмину исполнилось пятнадцать. Младший сын Ранфера, несмотря на деловую хватку, не обратил внимания на реликварий. Он не понимал, зачем нужны старые украшения, когда есть отец. А теперь его не стало. Сейчас от содержимого этого ларца зависело слишком многое.

Нахтмин вытащил ларец и откинул крышку. Внутри, на тёмном бархате, лежало ожерелье Хатшепсут. Когда-то его носила женщина-фараон, приказавшая высекать себя на стенах с царской бородой.

— Красивое, — сказал Юба. — Даже жаль отдавать.

— Оно не просто красивое, — Нахтмин закрыл ларец. — Это наша кровь и память. Наша связь с теми, кто жил до нас.

— И что? — Юба разозлился. — Мать умрёт, а мы будем глазеть на него и вспоминать, какие мы благородные? Она дышит, Нахтмин! Ещё дышит. А через неделю перестанет — если мы ничего не сделаем!

— Я знаю! — Нахтмин прижал ларец к груди. — Успокойся, Юба. Я уже всё сказал.

Они помолчали.

— Завтра я пойду с тобой, — сказал, наконец, старший брат. — Один ты не справишься.

— Справлюсь.

— Не спорь.

Юба сгримасничал. Нахтмин добавил:

— Пусть Исея даст маме порцию лекарства. Нужно, чтобы она спокойно проспала до нашего возвращения.

Утром они отправились на рынок. Нахтмин нёс ларец под одеждой, прижимая к телу. Юба шёл рядом, постоянно оборачиваясь. Ему казалось, что за ними следят: люди в толпе, пристальные взоры, быстрые тени.

— Не дёргайся, — пробормотал Нахтмин. — Если у нас будут повадки как у воров, нас и примут за воров.

— Мы несём вору фамильную реликвию, чтобы купить сомнительное зелье для матери, — фыркнул Юба. — Кто мы после этого?

— Сыновья, которые пытаются спасти мать, — отрезал Нахтмин. — Всё остальное неважно. Не пытайся договориться с совестью, брат. Не выйдет. Мы всё обсудили.

Кемон перебирал амулеты. Глаза его торжественно блеснули при виде братьев.

— Всё-таки пришли, — сказал он. — Оба. Так ещё лучше. Принесли?

Нахтмин молча поставил ларец на прилавок и откинул крышку. Кемон уставился на ожерелье с деланным равнодушием. Но юноша увидел, как расширились зрачки. Ему стало не по себе.

Кемон протянул руку, но Нахтмин перехватил его тощее запястье.

— Сначала лекарство.

— Недоверчивый, — ноздри Кемона раздулись. Он нырнул под прилавок, вытащил глиняный кувшин, запечатанный тёмным воском. — Пятнадцать порций. Считаю, повезло. Сейчас Слёзы днём с огнём не сыщешь.

Нахтмин тут же вспомнил, что видел у матери маленькие флакончики с тягучей жидкостью. Он запротестовал.

— Откуда я знаю, что там именно то, о чём мы говорили?

— Весь в отца! — вымолвил Кемон. — Можешь притащить сюда свою мать, напоить и понаблюдать — подействует ли. Тебе придётся поверить мне на слово.

Он потребовал кувшин обратно, исчез под прилавком и вытащил точно такой же прозрачный флакон, как у Афири. Нахтмин, ориентируясь на цвет, уступил и передал ожерелье.

— Замечательно! У меня уже и покупатель нашёлся.

Юноша его не слушал. Он взял флакон, тёплый от руки, и изучил. Внутри переливалась густая тёмная жидкость, тяжёлая, как ртуть. Юноша отковырнул воск, поднёс к носу. Запах был сладким, дурманящим, с горьким оттенком, от которого першило в горле. Сомнений не осталось.

— Как их делают? — спросил Юба.

— Жрецы Амона выпаривают его сорок дней, читают заклинания над каждым сосудом, и Осирис благословляет эту работу своими слезами, — продекламировал Кемон.

— Готовят жрецы Амона, а благословляет Осирис? — уточнил Юба. — Ты ничего не путаешь?

— Неудивительно, что вы остались без отца. Остры на язык. Оба.

Нахтмин пронзил его взглядом и спросил:

— Насколько этого хватит?

— Я знаю людей, кто изведёт пузырёк за неделю. Откуда мне знать насколько? Одна капля, и боль уходит. После двух уже не помнишь, кто ты. А третья заставляет отдать всё, чтобы получить ещё. Поосторожнее с этим. От лекарства до яда один шаг, знаете ли.

— Если обманешь, — Нахтмин спрятал зелье, — я вернусь. И тогда ты пожалеешь, что родился. Хоремб — друг нашей семьи. Одно моё слово и твою лавку разнесут в щепки, а тебя закопают в такой яме, что сам Анубис не найдёт.

Кемон усмехнулся, обнажив частокол зубов с выбоинами.

— Так и вижу, как начальник египетской армии мчится на рынок, чтобы наказать торговцев Слезами. Будь уверен, мальчик, весь двор балуется этими каплями. Всё, что может твой Хоремб — пригрозить пальчиком.

— Вот и ты, будь уверен, что он найдёт время и заявится сюда.

— Чем впустую угрожать лучше скажи: когда тебя ждать в следующий раз и с чем?

— Мы придём позже. Нужно решить, что взять, — ответил Нахтмин, прикидывая, где брать украшения.

Он развернулся и пошёл прочь. Юба за ним. Они прошли половину рынка, прежде чем младший решился заговорить:

— Прямо не узнаю тебя. И когда ты научился дерзить? Не отнимай мой хлеб, брат.

— Дерзить и воплотить в жизнь — разные вещи, Юба. Со вторым у тебя всегда были проблемы.

— А Хоремб правда нам поможет?

— Не знаю, — Нахтмин думал, что при такой цене лекарства они скоро пойдут по миру.

— Но Кемону об этом знать необязательно.

— А если он проверит?

— Не проверит. Такие, как он, боятся любого шороха. У них слишком много грязи за душой, которую могут выкопать.

— Дай взгляну, что эта за водица такая, которая стоит целое состояние.

Нахтмин протянул бутылочку. Юба откупорил крышку и принялся.

— Пахнет... странно. Вроде и ароматно, но до тошноты... Как от маминого снадобья. Но мамино пахло иначе. Слабее, что ли.

— Может, это просто настойка. — Нахтмин спрятал бутылочку. — Неважно. Главное, чтобы помогло. Попробуем растянуть на месяц.

— Тогда придётся следить за каждым глотком. Исея рада выпредить пузырёк за раз.

Дом встретил их тишиной, какой не бывает в жилом месте. Братья переглянулись и, забыв про усталость, бросились внутрь.

В коридоре, съежившись у стены, сидела Исея. Девочка зажимала уши ладонями, тряслась, а по лицу катились слёзы. Она тяжело дышала, губы дрожали, но она не издавала ни звука, только мелко-мелко мотала головой.

— Исея! — Юба подскочил к сестре, схватил за плечи. — Что случилось? Где мама?

Девочка не ответила. Только кивнула в сторону комнаты матери.

Из-за двери донёсся звук, от которого у Нахтмина кровь застыла в жилах. Это был не крик и не плач. Это был гортанный, звериный вой. Так воют раненные животные в агонии. Вой перемежался с глухими ударами, скрежетом, треском раздираемой ткани.

— Сиди здесь, — бросил Нахтмин брату.

Он снял запор и толкнул дверь. То, что он увидел, заставило его на миг забыть, как дышать. Комната была разгромлена. Циновки валялись скомканными в углу, покрывало с кровати сорвано и разодрано в клочья; чёрная занавеска, защищавшая от солнца, превратилась в лохмотья. А посреди этого хаоса, сжавшись в углу сидела его мать. Одной рукой она закрывала глаза, второй проклинала лучи, обжигавшие её подобно пламени.

Он присел на корточки, заслонил свет спиной и взял мать за руку. Нахтмин не узнал Афири — это была не она. Глаза красные, безумные, изо рта тянулась нитка слюны, смешанной с кровью. Сломанные ногти скребли каменный пол, оставляя на нём багровые следы. Её тело сотрясала судорога, будто каждую мышцу выкручивало невидимым огнём.

Нахтмин чуть сдвинулся, и этого оказалось достаточно, чтобы начался новый приступ. Она вырвала руку и ударилась затылком о стену. Затем начала ритмично биться головой о камень, словно не чувствовала боли.

— Мама... — голос Нахтмина сорвался. — Да что ж это за напасть такая?

Она не слышала. Или слышала, но не узнала. Афири резко обернулась, и в её лице не промелькнуло ни капли человеческого. Это был настоящий зверь, выпущенный из клетки. Женщина зашипела, как змея, и бросилась на Нахтмина.

Он едва успел перехватить её, но сила в этом иссохшем, измученном теле оказалась чудовищной. Афири царапалась, кусалась, билась в его руках, пытаясь добраться до лица, до горла. Он едва удерживал её, чувствуя, как под пальцами судорожно перекачиваются мышцы.

— Мама, это я! — крикнул он, уклоняясь от очередного удара. — Это Нахтмин! Твой сын!

Ответа не последовало. Только хриплое, рваное дыхание и безумный взгляд, пронзающий насквозь.

— Юба! Закрой окно! — проорал Нахтмин.

Тот влетел в комнату и замер от происходящего. Нахтмин, продолжая удерживать мать, закричал:

— Слёзы! У меня в кармане! Дай ей глоток.

Юба с трудом нашёл флакон, молясь, чтобы он не разбился. Наспех прикрыл окно рваной тряпкой и метнулся в гостиную. Через мгновение он вернулся с маленьким глиняным флаконом.

Афири увидела флакон и замерла. Безумие в её глазах не исчезло, но впервые за всё время обрело цель. Она тянулась к драгоценным Слезам с той же жадностью, с какой умирающий от жажды ищет воду. Она перестала биться, только тянулась к спасительной влаге, дрожа всем телом.

Нахтмин, не отпуская её, поднёс горлышко к губам. Она пила жадно, захлебываясь, давась, не чувствуя вкуса. Тёмная жидкость текла по подбородку, смешиваясь со слюной и кровью. Она выпила всё до капли и ещё несколько мгновений не отпускала флакон, будто надеялась найти в нём ещё глоток.

Постепенно дрожь стала стихать. Тело обмякло. Афири, узнав сына, всхлипнула.

— Нахтмин?

Она моргнула.

— Почему ты плачешь? — потом окинула комнату. — Что случилось?

Она обмякла в его руках, и Нахтмин осторожно опустил её на пол, подложив под голову обрывок покрывала. Афири провалилась в сон с застывшей на губах улыбкой. Юноша гладил её

по спутанным волосам, поражаясь, как быстро действуют Слёзы Осириса. Юба стоял в проходе, не в силах пошевелиться. Из коридора доносился тихий плач Исеи.

— Помоги мне положить её на кровать.

Сыновья подняли тело, почти ничего не весившее и положили на изорванную постель. Они вышли в коридор, и Нахтмин, не заперев, прикрыл дверь.

Исея в оцепенении сидела у стены, обхватив колени руками, иногда вздрагивая.

— Иди сюда, — Нахтмин опустился перед ней на корточки, схватил за плечи. — Ты как?

Она не ответила. Только повела головой в сторону двери.

— Она не хотела, — прошептал Нахтмин. — Она ничего не помнит. Понимаешь? Это не она. Такого раньше не было. Это всё из-за лекарства. Или из-за болезни. Впрочем неважно, из-за чего...

Исея кивнула, но так и не пришла в себя. Ей было всё равно, хотела мать или нет. Она запомнила только вой, безумные глаза и то, как родной дом превратился в клетку с обезумевшим зверем.

Юба уселся рядом с сестрой и обнял. Она прижалась к нему, подтянула коленки, зарываясь головой в грязный хитон.

— Мы не можем оставлять её одну, — сказал Юба, указывая на дверь. — В следующий раз она её убьёт.

— Знаю, — ответил Нахтмин.

Он посмотрел на Исею. Девочка должна была играть с подругами, учиться грамоте, готовиться к замужеству. А вместо этого сидит в коридоре и дрожит от страха, потому что мать пыталась её убить.

— Нам нужен кто-то, — сказал Нахтмин. — Сиделка, которая будет с матерью и Исеей. Днём нам придётся отлучаться.

— Кто к нам пойдёт? — усмехнулся Юба. — Слуги разбежались, а новые... Кто захочет сидеть с сумасшедшей? Ты хоть каждый день дари им по ожерелью Хатшепсут — не согласятся.

Исея, не отрывая головы от Юбы, произнесла:

— Я уже большая и справлюсь. Я буду закрываться в другой комнате. А если она... если она начнёт, я выбегу. Нахтмин прав: мама не выпила вовремя лекарство, с ней случился приступ.

— А если не успеешь закрыть засов? — не отступал Нахтмин. — Она же тебя разорвёт.

— Сейчас же успела! Если у меня будет лекарство, никто никого не разорвёт. Она сейчас отлежится, придёт в себя, и это снова будет наша мама Афири. Вот увидите!

Нахтмин крепко обнял обоих.

— Простите меня. Я старший. И должен вас оберегать. Вас двоих, и маму тоже. Больше этого не повторится.

Они сидели в коридоре, прижавшись друг к другу, и слушали вздохи за дверью, которые в любой момент могли взорваться новым криком.

Нахтмин поднялся.

— Давайте наведём порядок и приготовим ужин.

— Может, распределим обязанности? Я могу сходить на рынок за продуктами? — с надеждой произнёс Юба.

— Хорошо. Исея, мы с тобой приберёмся в комнате мамы. Не заходи туда одна.

Когда они привели спальню в порядок, Исея отправилась замешивать тесто. Нахтмин отправился в сад и уселся возле колодца. У него возникла острая потребность побыть в одиночестве, выговориться самому себе. В это время как раз промелькнул силуэт Юбы. Младший брат двинулся к старшему, но тот запротестовал.

— Ты уже побыл один, подумал обо всём. Теперь и мне дай такую возможность. Извини, я не хочу разговаривать.

Юба насупился и пошёл к Исее. Нахтмин повернулся к двери спиной и сцепил руки в замок. Он уже не думал, где добывать Слёзы и в каком количестве. Его волновало другое — стоило ли проявлять такие чудовищные усилия впустую. Всё его внимание было приковано к двери комнаты матери. На миг ему представилось, как он берёт подушку и тихо входит внутрь...

Нахтмин вздрогнул.

— Атон! Неужели это я? Неужели я сейчас об этом думаю?

Он вспомнил слова отца: *«Когда сомневаешься, как поступить, отложи до следующего утра. Сон всё расставит по местам»*.

Глава 4

Как и обещала Исея, на следующий день Афири пришла в себя. Она была спокойна, пыталась чем-то заняться по хозяйству, но неизменно возвращалась в комнату, не имея сил выносить солнечные лучи. Исея набрала тряпок, циновок, и спустя четверть часа весь дом погрузился в полумрак. Афири радовалась, что могла безмятежно ходить, заниматься своими делами и больше не смотреть в пол.

Нахтмин же при каждой встрече с матерью испытывал чувство стыда. Он поклялся удариться головой о стену, если вчерашняя мысль ещё хоть раз посетит его.

До него донёсся стук молотка — редкий, неровный, с долгими паузами. Словно человек взялся за работу, которая оказалась ему не по силам.

Нахтмин застал мать у двери в её комнату. Афири стояла на коленях, сжимая молоток дрожащими руками, и пыталась забить гвоздь в деревянный засов. В полумраке она то и дело промахивалась мимо шляпки, и гвоздь гнулся, не желая входить в дерево.

— Помоги мне, дорогой.

— Что ты делаешь?

— Не видишь? Запор укрепляю. Вдруг в следующий раз я выломаю дверь?

— Не выломаешь, мама, — Нахтмин шагнул к ней. — Следующего раза не будет.

— Будет или нет, а зверь должен сидеть в клетке, — Афири подняла на него осмысленные глаза. — Бей, я сказала!

Она сунула ему молоток и указала на покосившийся гвоздь. Нахтмин вздохнул, примесился и за несколько ударов вогнал его в дерево по самую шляпку. Рядом уже торчало ещё три таких же — длинных, в половину ладони.

— Ещё, — велела Афири, ткнув на следующую метку.

Он подчинился. Забил ещё два, потом третий. Рука уже гудела, когда мать, наконец, кивнула и, опираясь на стену, побрела в комнату. Даже эти несколько минут вымотали её до предела.

Едва дверь за Афири закрылась, из-за угла появилась Исея. Она деловито сдёрнула с окна занавеску, свернула и сунула под мышку.

— Пойдём, — позвала она брата тоном заправской хозяйки. — Я всё покажу.

Исея устроила ему настоящий смотр. Она открыла тайник за циновкой, где лежали связанные в узел ножи — всё, что нашла в доме. Показала щель в стене кладовки, куда спрятала тяжёлые медные ступки и пестики. Откинула угол половика — под ним оказалось углубление с запасным флаконом, прикрытым тряпицей.

— А сюда, — она подвела его к двери кладовки, — ты должен поставить засов. Вроде того, что стоит у мамы. Только нужно приколотить внутри. Если мама снова... если она начнёт, я спрячусь тут и закроюсь. Ты только сделай покрепче. И у двери, ведущей на улицу, надо поставить такой же. Пусть дом разносит, а на улицу не выходит. Если выскочит к людям, быть беде...

Нахтмин слушал сестру и чувствовал, как внутри всё переворачивается. *«Она должна играть с подругами, учиться писать, примерять первые украшения. А вместо этого показывает мне схрон от собственной матери».*

— Сделаю, — сказал он. — Обязательно сделаю, но чуть позже. Хорошо?

— Тогда я пойду печь лепёшки. Обещаю, в этот раз они не развалятся!

Нахтмин позвал Юбу — тот всё ещё придумывал, как договориться с Кемоном. Братья отправились по всем закоулкам дома. Они разорили тайники, куда не добрались алчные руки слуг, и вытащили вещи в сад. Нахтмин разложил на циновке скудные богатства: столовое серебро — несколько ложек, пара ножей, помятый кубок; мамины украшения — серьги с

выпавшими камнями, два браслета, брошь без застёжки; горсть медных монет, что лежали в кувшине на кухне; несколько связок сушёной рыбы, мешок ячменя, старый плащ отца, который никто не надевал.

— Здесь на месяц, — сказал Юба. — Если совсем экономить и питаться одними только сухарями.

— Если экономить — на два. — Нахтмин ссыпал монеты обратно в кувшин. — А потом?

Юба пожал плечами. Неопределённое «потом» звучало слишком страшно. Он окинул взглядом скромные владения, выискивая ценности, но не обнаружил ничего, кроме плуга.

— Внутри мамы сидит какое-то чудище, которое мы должны подкармливать, — выпалил Юба. — То, что мы делаем, это по Маат?

— Я уже сам запутался, что правильно, а что — нет. Я лишь знаю, что мама болеет и от её болезни нет лекарства. Вернее, оно есть, но, судя по всему, убивает так же, как и хворь. Если не быстрее.

— А я запутался в другом. Где-то мы с тобой провинились перед богами, раз уж на нас рухнула кара. Быть может, Амон осерчал на нас? Почему на нас свалилось столько несправедливости. Разве мы это заслужили?

— Чего сейчас нельзя допускать — так это неверия, — произнёс Нахтмин. — Неверующему не на что надеяться.

— Одной верой нам денег не достать.

— Есть одно средство, но я бы не хотел к нему прибегать. Тогда боги нас точно покарают.

— О чём речь?

— Одолжим золото у мёртвых. Оно им не нужно.

— Ты предлагаешь пойти в чёрные копатели? — Юба посчитал это шуткой.

— Нет! Ты в своём уме? Возьмём у того, кто точно не обидится. У деда.

Нахтмин отправился в дом, но внутрь не вошёл. Остановился в дверях.

— Мы уходим. Вернёмся поздно. Ты всё помнишь, что делать?

Исея топталась у очага. Она кивнула, не оборачиваясь.

Ранфер вёл свой род от великого Эйе — отчима Нефертити из Митанни, которая стала женой Эхнатона. За полтора века всё так сплелось, что царица Нитокрис искренне верила, что ведёт свой род от Нефертити.

Вместе с мужем Нефертити приняла культ Атона. После смерти Эхнатона память о его правлении начали постепенно стирать. Позднее его имя предали проклятию, а религию Атона объявили ересью. Последователей Атона уничтожали, пытаясь выжечь позорное пятно из истории. Но до конца искоренить веру не удалось. Люди продолжали тайно поклоняться солнцу. Их доводы были просты, но неопровержимы: *«Мы поклоняемся тому, что видим»*.

Все потомки Эйе ходили по лезвию ножа. Еретическое прошлое семьи могли припомнить в любой момент, поэтому многие предпочитали держаться подальше от дворца и обзаводились домами за городом. Один из таких домов стоял на северо-западной окраине Фив, где он сливался с постройками зажиточных ремесленников.

Нахтмин вспомнил о таком доме случайно. Он считался не местом для живых, а обителью мёртвых. Там был похоронен Неферкара.

Дорога заняла полдня — солнце палило нещадно, вода в бурдюке кончилась быстро, и братья шли, облизывая пересохшие губы.

— Долго ещё? — спросил Юба.

— Скоро. Вон за тем озером. Совсем не помнишь?

— Мы ходили туда всего однажды. И то будто это был сон, а не явь. Думаешь там хоть что-то осталось? Фараон забрал все дома отца.

— Если там нет солдат — значит, не забрал. Скорее всего, я окажусь прав. Это захолустье, о нём никто не знает. Тем более фараон.

— Правильно! Какой смысл искать среди песка и камней? Я не о том спрашивал, Нахтмин. Уверен, что тайники не разграбили?

— К ним не подступиться с палкой и лопатой. Тут нужно подумать головой.

Дом встретил их запустением. Ворота валялись на земле — их выломали с корнем. Сад засох: гранатовые деревья стояли голыми, трава пожелтела, фонтан во дворе треснул и зарос мхом. Стены дома были в трещинах, ставни сорваны, окна зияли чёрными провалами. Куда ни глянь — всюду следы грабителей. Сундуки взломаны, циновки порваны, черепки от посуды хрустели под ногами.

Юба подбирал разбитые украшения из стекла и отбрасывал в сторону.

— Зачем отец здесь вообще что-то оставил? — спросил он. — Только коршунов порадовал.

— Представь себя на их месте. Ты пришёл в загородный дом богатого человека и не обнаружил ничего, кроме голых стен. Это наводит на размышление искать в другом месте, верно?

— Все вы архитекторы мыслите как-то замудрёно, — фыркнул Юба.

Нахтмин не стал гнуть свою линию, решив сразу показать брату цель прихода в запустелый дом. Они отправились в сад, где стояло небольшое строение, которое отец всегда называл сокровищницей. Ранфер стаскивал туда все подношения заискивающих вельмож. К моменту рождения Исеи, барахла набралось так много, что на него можно было купить большую должность и дом в придачу.

Вход охраняла статуя Птаха — человек с посохом, закутанный в погребальный саван.

Нахтмин подошёл к статуе, вставил ключ в маленькое отверстие и произнёс:

— «Откроет ли нам Тот, Кто за южной стеной».

Он вращал ключ, встречая сопротивление. Глухо и тяжело скрежетали деревянные засовы, внушая страх, что ключ сломается в такой важный момент.

Творец мира, бог правды и порядка бесстрастно взирал на гостей. Раздался щелчок, но не отворённой двери, а треснувшего ключа.

— Нехорошо, — выпалил Нахтмин.

— Поражаюсь твоему спокойствию, — прыснул Юба и прощупал дверь. — А нет, смотрика, открылась.

— Нет. Это не штифты хрустели, а ключ. Здесь побывали до нас.

Еле отворив дверь, братьев встретил голый пол. Некто словно в насмешку ровно посередине оставил одну золотую чашу. Юба покрутил посудиною, обнаружив на дне четыре иероглифа.

— Это что-то ценное? — он был уверен, что Нахтмин матёрый скупщик краденого.

Тот мельком взглянул на гравировку и вновь принялся изучать стены.

— Не думаю. Весь дворец полон этим хламом. Только тиснённое тронное имя царицы Нитокрис придаёт вес этому кубку. Здесь были или глупцы, или наоборот — очень умные воры. Ничего не понимаю. А куда убрали саркофаг? Раньше здесь была огромная зала, где отвели места под всех членов семьи. А теперь тут и мышь не похоронить.

Юба отставил чашу в сторону, смущённый задумчивостью брата. Нахтмин не обращал внимания на обнесённую кладовку, даже не удивился увиденному. Пока Юба клял весь мир, он изучал пол, шарил по щелям, принохивался, подносил лампу и проверял, откуда тянет воздухом.

— Помоги мне.

Вместе они сдвинули плиту пола, открыв маленький лаз. Юба вздрогнул при появлении зияющего провала.

— Как ты догадался?

— Сам сказал, что мы, архитекторы, мыслим как-то замудрёно.

— Неправда! Ты всё знал, просто мне ничего не сказал. Кто говорил, что недоверие убивает?

— Не занудствуй, брат. Я понятия не имел, что здесь ложный пол. А если бы знал, то не сказал. Чем меньше людей вовлечены, тем надежнее. Вот, куда увели залу — под землю.

Юба уже было обиделся, но промолчал. Слишком устал, хотел есть и боялся того, что могло ждать внизу.

Нахтмин зажёл фитиль масляной лампы, которую прихватил с собой, и шагнул первым; Юба прошмыгнул следом. Они прошли по коридору, который упёрся в узкий проход. За ним — тёмный, уходящий вниз под небольшим уклоном путь. Оттуда тянуло холодом и затхлостью, какие бывают только под землей, куда не попадает солнце.

Коридор пах сладковатой, тягучей гнилью. Стены были расписаны сценами загробной жизни, богами с головами зверей, ладьями, плывущими по подземному Нилу. Краски ещё держались, хотя кое-где осыпались, открывая голый камень. Свет от ламп отражался в зеркалах, вделанных в стены.

— Кто это строил? — спросил Юба. — Отец?

Нахтмин потрогал швы, проверил зазоры.

— Гробница была другой, раньше не было подземелья. Её перестроили. И сделать такое под силу было только одному человеку... Похоже, сюда приложил руку дядя Киниф.

— Вот ты и признался, что знал об этом месте! — воскликнул Юба.

— Я просто могу отличить манеру одного зодчего от другого. И только. В конце концов, меня этому учили. Ты меня вообще слушал?

— Неужели об этом тайнике никто не знает? А как же строители, мастера над рисунком?

— Иногда я удивляюсь, что тебя это волнует.

Они дошли до развилки. Несколько коридоров уходили в стороны.

— Здесь, — Нахтмин свернул в левый.

За ним оказалась небольшая камера. И в ней — грудa сокровищ. Юба сначала решил, что это игра воображения. Лампа осветила помещение, и стены заиграли золотым блеском. Чаши, кубки, слитки, украшения, драгоценные камни россыпью — всё было навалено кучей высотой почти по пояс.

— Это... это сколько? — выдохнул Юба.

— Много. На десять жизней хватит.

— В самом деле? Я бы это за пару месяцев спустил.

— Поэтому отец тебе и не доверял деньги, — произнёс Нахтмин. — Если пользоваться разумно, хватит и на двадцать жизней.

Они стояли и наслаждались. Отблески от лампы плясали на золоте.

— Смотри-ка, а день-то налаживается, — пропел Юба. — Сколько будем брать?

— Если только самую малость.

Они прошли дальше, прошерстили соседнее помещение. Там покоился саркофаг — каменный, тяжёлый, с изображением лица деда. Строгие глаза, нарисованные на крышке, казалось, пронзали вошедших.

— Так и не пойму, почему деда похоронили здесь? — спросил Юба. — То ли почёт, то ли ссылка.

Неферкара — первый визирь, ближайший соратник фараона и лучший игрок в сенет. Однажды он устроил праздник в честь Атона, и завистливые соглядатаи тут же донесли фараону. Рамсес, мнительный под старость, не вникал в подробности — снял Неферкару с должности. Тот захворал и умер. Рамсес запретил хоронить его в Долине царей, и Ранфер похоронил

отца здесь, за городом. Позже вокруг усыпальницы вырос дом. Самого Ранфера после казни захоронили в неизвестности, и это было страшнее любого проклятия.

— Сам знаешь, за что... Нужно было хотя бы иногда слушать отца, чтобы потом меня не обвинять в пороках всего мира, будто я всё знаю, а тебе ничего не говорю.

— Да... мне как-то неинтересны эти истории, кто кого предал и как похоронил. Да, и зачем? Я всегда могу спросить у тебя, — он похлопал брата по плечу.

Нахтмин коснулся крышки саркофага, Юба невольно отшатнулся. Младший на дух не переносил египетское обожествление смерти, утверждая, что он — иного происхождения, весёлый и жизнерадостный и не имеет ничего общего с мрачным культом поклонения выпотрошенным телам. Старший же относился к смерти просто и непринуждённо. Не возводил в культ, но и не боялся, почитая за неотъемлемую часть жизни.

— Не бойся, — сказал Нахтмин, хотя у самого голос дрогнул. — Это просто крышка с изображением. Заглядывать за неё я не собираюсь.

— Я слышал, что даже прикосновение ко гробу — святотатство.

— Не слушай всех подряд...

— И не будет никаких проблем, — Юба закончил присказку отца.

Нахтмин поднял палец и наострил. Ему показалось, что помимо них кто-то находился в погребальной камере.

— Ты чего?

— Пора на свежий воздух. Мне уже чудятся звуки.

Братья покинули усыпальницу деда и набрали в мешок золота. Затем сдвинули лаз ложного пола и закрыли дверь Птаха.

— Теперь надо решать, как это вывозить, — сказал Нахтмин. — Если попрёмся с мешками среди бела дня, не самые удачливые по жизни фиванцы нас ограбят. Если будем часто сюда наведываться, вызовем подозрение.

— Ну да. Два прохвоста ходят в загородный дом, в котором уже нечем поживиться самому отъявленному бедолаге из Фив.

— Значит, придём ночью.

— За две сотни ночей, может, и стаскаем.

До темноты они бродили по территории, собирая всё, что могло пригодиться в хозяйстве. Нашли пару целых амфор, рваный плащ, глиняный светильник, немного прогорклого масла. Имея в мешке сокровищ на пару тысяч монет, они постоянно вздрагивали от любого шороха. Нахтмину казалось, что за ними следят сотни глаз. И только ждут случая, когда братья уйдут, чтобы проникнуть в тайник.

Солнце село быстро, тьма объяла сад. Похолодало. Братья под завязку набили два мешка утварью — сколько смогли унести. Когда вышли, Нахтмин взвесил мешок на руке.

Юба взвесил свой и поинтересовался:

— Насколько этого хватит? Мне кажется, тут флаконов на тридцать.

— Буду рад, если ты окажешься прав... Но сам знаешь: этот наглец с рынка уценит товар на треть, а то и на половину.

— Двадцать жизней резко превратились в одну?

Нахтмин промычал что-то нечленораздельное.

Домой они возвращались окольными путями. Ремни резали плечи, верёвки впивались в ладони. Луна освещала дорогу, где-то в пустыне выли шакалы, каждое шуршание заставляло вздрагивать. Нахтмин никак не мог выбросить из головы шелест хитона — словно кто-то за ними следил возле гробницы. Хотелось вернуться и проверить целостность тайника, но угрюмый вид голодного брата, который шёл на последнем издыхании, заставил его отказаться от затеи.

Под утро они добрались. Юба рухнул на циновку и уснул, не раздеваясь, даже не сняв сандалий. А Нахтмин взял лопату и пошёл в сад закапывать золото.

Он копал уже полчаса, когда услышал шаги.

— Ты чего не спишь? — спросила Исея.

Нахтмин обернулся. Сестра стояла в дверях, кутаясь в плащ. Глаза у неё были красные, влажные.

— Работаю. Иди в дом, холодно.

— Вчера приходил дядя Киниф.

Нахтмин выпрямился, опираясь на лопату.

— Что ему нужно?

— Спрашивал про маму. Про вас. Где вы пропадаете.

Исея помолчала и добавила:

— Велел передать, что всё помнит. Просит потерпеть. Сказал, что вернется из Хатти, и всё уляжется.

Нахтмин сжал черенок лопаты.

— Это не похоже на заботу. Мама постоянно на него надеялась, а когда он понадобился — лишь говорит, как озабочен. Нитокрис — туда же. Никакого толку от них нет.

Исея терпеливо слушала тираду брата, не понимая, с кем он разговаривал.

— Ещё что-нибудь говорил?

— Спросил, есть ли у нас лекарство, деньги на него и еду. Я сказала, что у нас всё хорошо. Еды навалом...

— И когда ты так научилась ловко лгать?

— Как-то само вылетело, — виновато произнесла Исея. — Ты же сказал, что у нас будут деньги, вот и решила, что нечего выпрашивать. Он, наверное, и так очень многим рискует ради нас. Да?

— Не думай за него, Исея, пусть сам за себя думает. Ты всё правильно сделала, что не стала у него ничего кланяться. И что он ответил?

— Ничего. Поговорил с мамой, прошёлся по дому и ушёл. Сказал только: «Береги себя».

Нахтмин усмехнулся и постучал лопатой по камню, сам не зная зачем.

— Как мама?

— На сколько дней ты говорил хватит Слёз? Так вот знай — половины уже нет. Ночью ей было плохо. Стонала, не могла уснуть. Металась по кровати, разговаривала с кем-то. Папу звала. Так по капле, по капле я выцедила половину флакона.

— Надо как-то умирить пыл, Исея.

— У мамы болел живот. Сильно болел. Она кричала. Как ей не дать лекарства?

— Всё равно надо быть экономнее.

— В следующий раз ты останешься с мамой и будешь экономить, а я пойду на дело вместо тебя, — она посуровела, указав пальцем на мешковину в яме. — Идёт?

Нахтмин промолчал, про себя отметив, что даже Юба в лучшие свои дни не был так остёр на язык. *«Я не поспеваю за ней. Она взрослеет быстрее, чем мы находим золото».*

Исея постояла ещё немного, косясь на брата, развернулась и ушла в дом.

— Поешь и выпишь! — крикнул вслед Нахтмин.

— А кто будет с мамой? — высунула голову Исея.

— Я посижу.

— И заснёшь через минуту. Ты всю ночь бродил, сейчас и вовсе решил «поработать», — съязвила девочка. — Нет уж, братец! Ты занят своим делом, я — своим.

Он вернулся к садовому тайнику и мыслям о дяде, неспособном выбрать сторону. Нахтмин старался не думать о Кинифе. Тот всегда хорошо относился к их семье, но из-за своего малодушия и боязни потерять положение превратил заботу в какое-то пассивное осведомле-

ние делами семьи Ранфера. Нахтмин подумывал обратиться к нему в самом крайнем случае, но потрясающая находка настолько его обнадёжила, что в эту минуту он не боялся ни Сета, ни Анубиса.

— Кто вы духи пустыни и покровители мёртвых? Кто вы перед Птахом и Атоном? Пыль и тлен. Хотя, чему я удивляюсь, если даже тётка Нитокрис боится нас навещать? Чего и говорить об этом трусе Кинифе?

Нахтмин посмотрел на зарастающую садовую дорожку, отчего в сердце защемило. Даже после смерти отца не было так тяжело.

— Может, я к тебе несправедлив, дядя Киниф? Ко всем?

Нахтмин воткнул лопату и устался на небо. Разгоралось алое марево. Он надёжно спрятал золото, утрамбовал землю, заложив кусками дёрна и пошёл в дом.

Первые лучи солнца осветили сад, и Нахтмин различил на измождённом лице матери немигающий взгляд. Он остановился и долго ждал, что зрачки дрогнут, задержатся на нём хоть на миг. Но Афири застыла, устремив их в пустоту; лишь подрагивала челюсть. На мгновение его обожгла странная мысль: мать всё видит, понимает и чувствует, но притворяется. Он тут же отогнал её, списав на бессонницу.

На столе он нашёл вкусные лепёшки, в очередной раз поразившись сестре. Нахтмин подумал, что не он, и не Юба тянули семью, а маленькая Исея.

После казни Ранфера во дворце уже не гремели пиры. Нитокрис почти не выходила из покоев. Целыми днями сидела у окна и рассматривала дворцовую площадь. Иногда считала волдыри на лице перед зеркалом и самостоятельно подбирала тон пудры, чтобы их скрыть.

Мернептах пытался заполнить пустоту работой. Каждое утро начиналось одинаково. Гонцы приносили папирусы с донесениями. На западной границе ливийцы тревожили гарнизоны. Начальники гарнизонов просили людей. На юге нубийские старейшины затягивали выплату податей. Мелкие чиновники просили зерна. Жрецы требовали золото на новые храмы. Номархи жаждали полномочий.

Советники спорили до хрипоты. Один требовал строить крепости. Другой — собирать новые налоги. Нактамон всё чаще заводил разговор о назначении нового наместника Куша. Золотоносные рудники простаивали, и казначей напоминал об этом при каждом удобном случае.

Хоремб не вступал в прения, хотя ему было, что сказать. Иногда качал головой. Иногда поднимался и уходил, не желая участвовать в очередном споре.

Аменемхет, как обычно, держался особняком. Он почти никогда не вмешивался. Только наблюдал.

Порой Мернептах давила мысль, что безмолвие верховного жреца страшило его сильнее любых речей Нактамона.

Из Нижнего Египта приходили письма Аменхотепа. Старый дядя жаловался всё чаще. *«Я устал. Пришли помощников. Мне не хватает людей».*

Мернептах откладывал папирусы в сторону, вспоминая, что отец правил без наместников в Мемфисе и Нубии.

Рамсес оставил после себя больше сотни детей. Наследники, годами ожидавшие смерти отца, умирали от болезней, возраста, тоски или от саморазрушения. Среди выживших оказался тот, кто давно перестал считать себя наследником престола. Мернептах не готовился править. Не строил планов на престол. Он рассчитывал прожить жизнь одним из царских сыновей, получив почётную должность при дворе. Но судьба распорядилась иначе, возведя на престол того, кто об этом даже не думал.

Вельможи переглядывались: справится ли? Впрочем, ответ их мало занимал. Уже на следующую день они уверяли друг друга и самого Мернептах, что именно на нём покоится бла-

гословение богов. Что лишь он, пережив гибель братьев, способен вернуть Египет в золотую эпоху.

Фараон лишь криво ухмылялся, слушая восхваления. Он был сыном Рамсеса Великого, и эта тень давила на него сильнее, чем двойная корона. К концу правления отца Египет напоминал перезрелый гранат, уже тронутый гнилью изнутри. Рамсес-воитель, Рамсес-строитель — превзойти этого гиганта не мог никто. Его фигура была столь масштабна, его деяний столь много, что Мернептах часто погружался в хандру. Даже если бы он завоевал Хатти — то, чего не добился отец, он бы всё равно не сравнялся с ним по заслугам перед Египтом.

В итоге молодой фараон просто смирился. Он пошёл в колее, проделанной Рамсесом, попутно подумывая, в чём мог бы затмить предка.

Мернептах думал о Ранфере каждую ночь. О том, как легко было, когда тот стоял рядом. «*Неужели поторопился?*» — в бесконечной паранойе фараон задавал себе один и тот же вопрос. Но тут же убеждал себя, что власть не оставила ему выбора, а Маат лишь подтвердила правильность решения. Ранфер оказался тем человеком, которого нельзя было пощадить. Именно потому, что он был ближе всех к фараону. Казнив его, Мернептах хотел заставить двор понять: если пал первый после царя, никто другой тем более не может считать себя неприкосновенным.

Когда Мернептах всё же договаривался с собой, всплывала другая беда — память отца. Люди на улице и во дворце разговаривали так, словно Рамсес не умирал. Казалось, всеми управляла привычка, но прошло уже три года после смерти величайшего из смертных. А простолудины радостно восклицали: «*Да благословит твой день Гор и Рамсес*». У вельмож иногда против воли вылетало: «*при Рамсесе такого не было*». Разгневанный фараон понимал, что только отрезанные языки вернут ему расположение духа. Во дворце даже ходили ищейки, которые одёргивали всех, кто божился Рамсесом, а не Мернептахом.

Не зная, как запомниться людям, фараон решил превзойти отца в архитектурном наследии. Он взялся за постройку грандиозного заупокойного храма, который должен был стать символом его правления.

Мернептах сидел на возвышении, барабанил пальцами по подлокотнику. Перед ним на низком столике лежал развёрнутый папирус с чертежами.

— Я говорю, нужно перенести ось на десять локтей к востоку, — Птахотеп, главный архитектор, водил пальцем по линиям. — Тогда храм будет виден с реки. Каждый проплывающий мимо запомнит величие фараона.

— Каждый проплывающий запомнит твою некомпетентность, если стены начнут трескаться, — усмехнулся Нактамон. — Там слабый грунт. Я выделил средства на укрепление фундамента, а не на твои художества.

— Средства, которые ты выделил, годятся для амбара, а не для храма.

— Амбара? — Нактамон приподнял бровь. — Ты хоть представляешь, сколько стоит доставить гранит из Асуана?

— Вы оба забываете, — вмешался Мернептах, — что храм должен быть готов к моему уходу в вечность. Я не намерен ждать, пока вы договоритесь.

Птахотеп и Нактамон не уступали, каждый считая своё решение единственно верным.

Аменемхет стоял в тени колонны, сложив руки на животе. Белое полотенце свисало с пояса, лысая голова поблёскивала. Он не вмешивался. Только сверлил маленькими, глубоко посаженными глазками, в которых, казалось, таилась усмешка.

Спор разгорелся с новой силой. Птахотеп доказывал, что ось нужно сместить, Нактамон утверждал, что фундамент важнее. Мернептах как заговорённый требовал соблюдения сроков. Водяные часы промотали две меры, но ничего не изменилось.

Уставший фараон прошёлся по залу и заметил жреца. Он знал, насколько тот умен и знал, что после долгого разговора умную мысль тот мог унести с собой в храм или вовсе в могилу. Жрец никогда не вступал в прения и высказывался самым последним — когда идеи оппонентов уже улетучивались, как винные пары в открытом кувшине.

— Аменемхет, — позвал он. — Ты чего молчишь? Поделишься своими соображениями?

Все обернулись в ожидании чего-то страшного. Жрец не спеша отделился от колонны, подошёл к столу, склонился над чертежами. Тонкие длинные пальцы скользнули по папирусу.

— Храм будет построен там, где я укажу, — проскрипел он своим высоким, немного гнусавым голосом. — Не у реки. Не на укрепленном грунте. На том месте, где стоял древний алтарь Амона, разрушенный во времена еретика Эхнатона.

Птахотеф открыл рот.

— Но это в двух днях пути от Фив! Там нет ничего, кроме пустыни!

— Там есть земля, освящённая веками, — Аменемхет поднял на него взгляд, и архитектор замолчал. — Душа фараона должна обрести покой там, где боги уже принимали жертвы. А не там, где удобно подвозить гранит.

Нактамон скривился.

— Это удорожает стройку втрое. Казна...

— Казна найдёт средства, — перебил жрец. — Амона нельзя торопить и нельзя удешевлять. Ты строишь святилище для наместника богов. Себе можешь строить где пожелаешь. Хоть из сырцового кирпича.

Он повернулся к Мернептаху.

— Ты хочешь, чтобы твоя память жила вечно, государь? Или чтобы через сто лет о тебе вспоминали как о том, кто сэкономил на алтаре? Твой отец возвёл великие статуи в Абу-Симбеле, возле которых стоишь — и задыхаешься. Закрой другие стройки. Они ведут в никуда. Сосредоточься на заупокойном храме.

Мернептах упёрся руками в бока. Потом выставил цеп и произнёс:

— Делайте, как сказал Аменемхет.

Жрец едва заметно поклонился одними плечами и отошёл обратно в тень колонн.

Птахотеф и Нактамон переглянулись. Они в очередной раз поняли, что во дворце есть только один голос, который имеет значение.

Фараон в раздумьях стоял у дверей жены. Мернептах пришёл босиком, в одном набедреннике, без головного убора. Лишь пояс с гофрированной пряжкой напоминал о его царственном достоинстве. Последние несколько раз его — фараона прогоняли, точно мальчишку.

Но дни после смерти Ранфера неслись, как колесница, искореняя из сердца Нитокрис обиду на мужа.

Она сидела у окна в кресле из красного дерева. Волосы были уложены в сложную причёску, лицо усилиями Асо — превращено в храмовую роспись. Она пряталась за этой красотой, как за щитом. На ней было платье, которое она надевала на церемонию Аменхотепа месяц назад. Мернептаху вдруг пришла мысль: *«неужели с той поры не переодевалась?»*. Он чуть не рассмеялся.

В комнате пахло сладкими благовониями, которые неизменно душили фараона. Мернептах поцеловал жену в макушку. Нитокрис кивнула служанкам — Асо и Мегара мгновенно исчезли.

Фараон встал у окна, спиной к свету. Долго молчал, перебирая безделушки на столике — статуэтку быка Аписа, пару алебастровых ваз, гребень из слоновой кости. Потом швырнул статуэтку обратно, обломав один рог. Он скрестил руки на груди, а Нитокрис с приподнятой бровью косилась на изувеченную статуэтку.

— Каждый твой визит несёт недоброе.

— Тебя волнует сломанная безделушка? Я тебе таких подарю тысячу.

— Ладно если безделушка. Порой после разговора с тобой ломается чья-то жизнь.

— Моя дорогая Нитокрис, если я отправлю армию в пустыню, они не найдут змеи, чей бы язык был бы ядовитее твоего.

— Это моя горячая митаннийская кровь.

— Поэтому после твоей прабабки иноземных принцесс сторонились.

— Рада, что в тебе проснулось чувство юмора, — осклабилась царица. — Это верный путь к выздоровлению.

— Разве я болел? Я фараон — отпрыск богов...

— Который не болеет душой? Мой дорогой муж, однажды ты предстанешь перед богами. А я раньше тебя, если ты не перестанешь говорить загадками.

— Даже не думал.

— Тебя что-то гложет. Не пытайся отнекиваться. Без причины ты приходишь ко мне только по вечерам. Ах, да! уже и это редкость. Ты радуешь других.

Нитокрис взяла пушистую кисточку и провела по брови — той самой, которую расчёсывала уже сотню раз.

— Какая из наложниц охмурила тебя? Такими темпами мне даже не светит быть наложницей.

Вошёл солдат и поклонился.

— Мой государь, вас ожидает Хоремб.

Когда Мернептаха перебивали, обычно он размахивал цепом, но сейчас ему хотелось прервать ехидный тон жены. Он поговорил с Хорембом, спустя миг вернулся и заметил, что жена уже не так серьёзна. Глаза искрились, на губах играла улыбка.

Мернептаха наблюдал этот блеск у братьев, которые теперь спали вечным сном в Долине царей. Но сейчас не хотел в это вникать — он пришёл не за этим. Он положил руки жене на плечи. Рисунок сурьмы превратился в чёрное месиво. Нитокрис не обратила внимания. Она коснулась его подрагивающих пальцев, прислонившись к ним головой.

— Боги забыли Египет, — сказал Мернептаха.

— Не забыли. Ты забыл, как с ними разговаривать.

— Нужно строить храм, но полупустая казна, оставленная отцом, не потянет его... Люди ропщут. Советники грызутся. Аменхотеп стар. Хатти снова задрала голову.

— Куда задрала? — не поняла Нитокрис. — Хочешь, я скажу тебе то, чего тебе не скажет ни один советник?

— Ну? У тебя как у Великой жены есть перед ними преимущество...

— Поэтому ты меня и не казнишь? — прыснула Нитокрис. — Слушай, муж. Ты страдаешь лишь потому, что не знаешь, чего хочешь.

Она выдержала паузу. Он обмеривал её взглядом, ожидая продолжения.

— Заупокойный храм или война с Хатти? Хотя я слышала другое: нас беспокоят ливийцы, а не хетты. У меня тут же возникает вопрос: а к чему тебе война? Хочешь сложить голову в самом цвету лет?

— Но мой отец разбил их!

— Что ты твердишь одно и то же! Он заставил всех так думать, что разбил. Ты лучше меня знаешь: никого Рамсес не разбивал, — Нитокрис, видя нарастающий гнев мужа, поспешила успокоить. — Я не наговариваю. Говорю, как есть. Обещала же правду?

— Говори.

— Твой отец не завоевал Хеттское царство. И это несмотря на репутацию великого воина. Битва при Кадеше закончилась ничьей. И Рамсес пошёл на перемирие. В этом его сила и мудрость. Но ты и без меня всё это знаешь. Хатти — равный соперник, возможно, даже нас пре-

восходящий. А ты говоришь: «задрали голову». Только дай им повод, и они разнесут нас в клочья. Тебя под меч, меня в гарем. Вот об этом ты, видимо, не знаешь.

Зачем великие победы, когда твой народ задыхается? Дай людям вздохнуть, и они пронесут тебя выше Рамсеса и Тутмоса.

Избавлю от сложного выбора. При Рамсесе бросили стройки? Ну и Сет с ними! Вели забрать со всех каменоломен материалы и построй заупокойный храм. Лучше построить одно достойное, чем взяться за сотню строек и не построить ничего. А эти прихлебатели вроде Нактамона, которые пекутся о благосостоянии государства, славе фараоновой, думают только как слопать побольше. Казна полупустая, говоришь? Так спроси с Нактамона. Он же у нас казначей!

— Аменемхет такого же мнения.

— Это не мнение гиганта ума, а обычная логика, Мернептах. Ты порой изумляешься простым вещам. Но начни мыслить, как обыкновенный человек. Тебе всё время кажется, будто фараон должен мыслить как-то по-особенному. Думай, как все, но будь умнее.

— Как легко ты всё обесцениваешь.

— Знаю, ты сейчас разозлишься, но твой отец порой мыслил до ужаса примитивно. И где он? Сравнялся с богами!

— Это потрудились храмовники, когда ловко обошли в папирусах все недоразумения во время правления отца.

— И твои, как ты говоришь, недоразумения обойдут. Но как исправлять то, чего нет? Я бы твоё правление описала одним картушем. Ведь больше рассказывать не о чём, — она пожала плечами.

— Трудно принимать даже одно решение, когда тебя окружает стоголосый хор разнородных мнений.

— У тебя был человек, способный поднять Египет из пепла, — продолжила она. — Ты казнил его. Твоим стоголосым хором управляет Нактамон. Умён ли он? Скорее, да. Но он только говорит. Толку от его речей?

— Как и от твоих, Нитокрис! — возразил Мернептах. — Нактамон жаждет наместничества в Мемфисе. Нубия его не устраивает. Я лучше посажу туда Хоремба. Там справится только воин, не болтун.

— Болтун способен всем заговорить зубы или откупиться. В этом Нактамону нет равных.

— Я понимаю твою ненависть к нему, но неужели кроме твоего брата и казначея у нас нет другой темы для разговора? Мне это надоело. Решение Великого Дома неоспоримо. Ясно?

Они встретились взглядами в зеркале. Мернептах в который раз понял, что ни один упрёк не способен заставить Нитокрис оправдываться. *«Хотел осадить жену, а осадил почему-то самого себя. Всегда так»*, — промелькнуло у него.

— Что ж. Вот, мы и обменялись советами, — процедила она.

— Ты сказала мне закрыть все стройки. Хорошо. Но в казне и в самом деле не найти даже дохлых мышей.

— Денег, говоришь, нет? — Нитокрис усмехнулась. — Они есть, муж мой. Просто лежат не в твоей казне. У Нактамона, у жрецов, у номархов, которые десятилетиями тянули из страны, как пиявки. Вели им сдать золото, предназначенное для строек отца. Пригрози. Не казнью, а, например, ревизией. Пересчитай каждый слиток, каждую монету, которую они упрятали от твоего отца.

Мернептах побледнел.

— Ты предлагаешь мне пойти против знати? Одному? Они сожрут меня заживо.

— Тогда не лезь к ним в карман. — улыбнулась Нитокрис. — Отправь людей в Амарну.

— Ты в своём уме?

— Почему бы нет? — плечи Нитокрис вжались, она схватилась за живот.

— Это авантюра мне ни к чему.

— Амарна заброшена больше сотни лет.

— Вот именно, Нитокрис. Что там осталось за сотню лет?

— Если бы золото просто валялось на плитах Ахетатона, его бы уже разворовали. Но Эхнатон не был глупцом. Сокровища нужно искать, тратить время на поиски. А искать там есть что, поверь. Золото не храмовое, не знатное. Оно ничьё. Вот и возьми его. Никто не посмеет сказать, что ты украл у богов или у живых. Только у мёртвых, а мёртвые не пожалуются. Что скажешь?

Мернептах обдумывал слова. Он не понимал: Нитокрис по природе такая бесшабашная или просто несёт любую чушь, лишь бы он не расстраивался?

— Ты хотела сказать у «мёртвых еретиков»? И тебя это не трогает, что у атонистов отнимут ценности?

— Нисколько. Это ради общего блага. Я бы сама туда отправилась, будь у меня время и силы!

— Порой ты удивляешь.

— Повремени с тем, что задумал Рамсес, — продолжала она. — Скажи Птахотефу, пусть подумает о дорогах, о причалах, о том, как довести камень. Пока люди не знают, куда плыть, и некому нагрузить баржи, ничего не построишь. Дай людям работу, и они сами придут, будут благословлять тебя за хлеб, который заработают, а не выпросят. Амарна даст золото, которое ты переплавишь в монеты. Монеты дадут храм. А храм — дарует имя, которое не сотрут жрецы, когда ты в ладье уплывешь на запад.

Мернептах смотрел на неё долго, тяжело.

— Я фараон, а не гробокопатель, чтобы грабить мёртвых.

— Это не грабёж, а обычное выживание, — ответила Нитокрис. — Когда ты принял царство от отца, я же не говорила про Амарну. Зачем? Поначалу всё было неплохо... Просто потом мы как-то не туда свернули. Ты же хочешь запомниться людям? А не остаться в истории как фараон, который ничего не построил, ничего не завоевал и умер в нищете. Я тебе дала подсказку.

— А как же Аменемхет? Он не благословит экспедицию.

— Необязательно докладывать ему каждый шаг.

— Он всё равно узнает!

Нитокрис расплылась в глупой улыбке.

— А разве Серк-Амон, помощник жреца хоть словом обмолвился храму Амона, когда полез в Ахетатон?

Речь шла о том случае, когда амонисты отправили лазутчиков в Амарну и переправили останки нескольких знатных лиц. Они утверждали, что спасали мумии жрецов Амона, которых силой заставили служить Атону. Останки перезахоронили, обогатив фиванские храмы амарнским золотом.

— В своём лицемерии они зашли далеко. Ты права.

— Первую находку потратить на чернь. И прошу тебя — не экономь. Люди увидят: фараон ищет выход и заботится о сирых. Это дороже любого золота. Сколько во дворце не сиди, решение не высидишь.

— И сколько, по-твоему, будет стоить экспедиция в Амарну?

— Понятия не имею. В любом случае дешевле, чем восстановление цепочек из Нубии. И значительно дешевле, чем бездействие.

Мернептах погладил затылок и устало усмехнулся.

— Я отправлю разведку. Если там будет чем поживиться, соберу экспедицию. Не хочу идти вхолостую.

Нитокрис просияла.

— Так скоро? Я благословлю их.

Он кивнул и пошёл к двери. На пороге остановился:

— Что ты задумала, Нитокрис? Скажи прямо.

— Я всего-то выразила своё мнение.

— Нитокрис!

Она тяжело вздохнула, опустив голову. Потом с нарочитой невинностью принялась изучать пол. Лишь спустя несколько мгновений подняла глаза и спокойно встретила взгляд мужа.

— С твоей экспедицией отправится мой человек...

— Пепи? Боги! Он вездесущий!

— Все расходы я беру на себя.

— Какая у меня состоятельная супруга! Может, я не там ищу золото?

Та прыснула.

— Да, я самая нищая из цариц!

Мернептах размышлял, что движет Нитокрис, сколько потребует экспедиция и оправдуются ли надежды на находку. Сейчас ему не хотелось распутывать её замыслы. Он не понимал, чего та желала больше: его славы или обретения пресловутого кулона прабабки.

Он вернулся к ней, поцеловал в темя и удалился.

Нитокрис любовалась собой в серебряной глади, а после соскочила и закружилась по комнате, обхватив себя за живот и напевая фальшивую колыбельную.

— Ещё немного, ещё чуть-чуть и капля семени произрастит дитя, — она упала на колени и воздела руки к небесам. — Только найди *его*. Найди!

Никто не знал, что за этой маской скрывалось другое лицо. От рождения Нитокрис была бледной, худой, небольшого роста. Свои недостатки она скрашивала умело подобранной одеждой и косметикой, отдавая на растерзание публики лишённый изъяна породистый облик. Придворные дамы скрежетали зубами при виде идеального овала лица и походки царицы — она не ходила, а плыла над полом.

Нитокрис раздражала придворных женщин своей неприступностью. Когда они понимали, что в этой битве её победит единственно время, возвращались к проверенному методу и напоминали всем: женщина из неё так и не состоялась.

Главное украшение обошло её стороной: Нитокрис не могла зачать дитя. Три года брака, десятки жертв богам, настои жриц, заклинания — всё впустую. Мернептах уже отчаялся, всё чаще бросая взоры на дочерей сановников.

Из-за своего бесплодия Нитокрис чувствовала себя ущербной, ни на что не годной. Понимая, что лекари бессильны, Нитокрис перестала искать спасение у людей. Оставалось надеяться лишь на чудо. Так её мысли всё чаще возвращались к древним святыням, вокруг которых веками рождались легенды.

Она обратилась к опыту прошлого, мечтая отыскать полуполегендарную святыню — сбрую фараона-объединителя Нармера. Составное украшение, которое он носил на груди и с которым его похоронили. Правда, грабители добрались и до Нармера. Пектораль досталась жрице Нехбет, анкх — царице Нефертити. Нитокрис предложила найти этот артефакт, чтобы с его помощью объединить страну. Над ней смеялись все, кроме Аменемхета.

Если для остальных речь шла о сбруе Нармера, для самой Нитокрис — только об анкхе. Согласно преданиям, он мог подарить то, чего не сумели дать ни лекари, ни жрецы. Людская молва связывала анкх с плодородием, женской силой и благословением Нефертити. Говорили, он остался сокрыт в песках Амарны. Уже не первый год за ним охотился её верный слуга Пепи. Сейчас он напал на след.

— Афири будто трижды его касалась, — отозвалась Нитокрис, поглаживая живот. — И родила троих. А у меня — ни намёка. Несправедливо.

Она вдруг вспомнила другой день. Это случилось много лет назад. *Они втроём бежали по саду: она, Ранфер и Афири. Афири упала, Ранфер подхватил её и засмеялся. Нитокрис увидела в его поступке любовь, которую всегда желала себе.* Она заставила себя улыбнуться.

— Ты получила его, сестра. И я получу то, что мне нужно. И, может быть, когда ты придёшь в себя, мы наконец поговорим.

Она изучала свой пупок.

— Если боги дадут мне дитя, я прошу тебя. Если нет... не хочу даже думать об этом.

Нитокрис открыла знакомый ларец, достала флакон, отпила. Терпкая горечь обожгла горло, но через минуту стало легче. Мысли успокоились, боль в висках отпустила.

— Не знаю, что бы я без тебя делала, — прошептала она, любовно рассматривая флакон. — Как бы терпела глупости мужа? Арефус бы лучше сидел на твоём месте. Но он отошёл к богам раньше срока. Для этого вы силой всунули Мернептаху в руки цеп и посох? И этот пшент, который ему не по размеру? Чтобы испытать Египет на прочность?

За окном кричали птицы. Солнце медленно опускалось за Нил. Нитокрис улеглась на кровать и прижала ладонь к животу. Где-то под песками Ахетатона лежало украшение, в которое она верила больше, чем в жрецов, врачей и волю Маат.

Нахтмин отдохнул, привёл в порядок мятежные мысли. Несколько дней спустя после припадка матери он отправился в загородный дом. Как бы Юба ни напрашивался, старший брат был непреклонен. Юбе пришлось остаться с матерью и Исеей — девочка совсем вымоталась.

Один Нахтмин шёл быстрее. Вся дорогу он прикидывал, как выгоднее торговаться с Кемоном, где брать деньги, когда они с Юбой опустошат гробницу и как поговорить с Кинифом. Может, зря он так накинулся на него? Если тот боялся помогать сам, мог хотя бы свести его с нужными людьми.

— Спрашивал про лекарство. Хм. Почему-то весь белый свет знает об этих проклятых Слезах, кроме нас двоих. Нет! Нужно наведаться к дяде Кинифу и всё разузнать.

Он добрался до загородного дома и заметил нечто странное. Весь сад был усеян свежими следами, словно здесь ходила толпа, топталась, вынюхивала. От усыпальницы Неферкары шёл накатанный след, по которому волоком тащили что-то тяжёлое.

С бьющимся сердцем Нахтмин помчался к Птаху. Каменные плиты у входа разворотили и раскрошили. Статуя валялась на боку, отколотая голова таранилась в небо.

Нахтмин уже с порога увидел раскрытую пасть пола с вывороченной ложной створкой. Он только сейчас вспомнил, что раздумья последних дней выбили его из колеи — он забыл масляную лампу.

Юноша спустился в тайник. Каждая ступень отдавалась в груди глухим стуком. Холод проникал сквозь сандалии, сжимал сердце ледяными пальцами.

Он постоял немного, обвыкся с обволакивающим мраком и наощупь стал пробираться к сокровищнице. Нахтмин шкрябал, хватал воздух руками — ничего. Он опустился на колени и принялся шарить по полу. Ему казалось, что он ошибся дверью. Что сокровища лежат дальше, за следующим поворотом.

Ничего. Всё вынесли. В погребальную камеру деда он не стал заходить, боясь увидеть ещё большее опустошение или того хуже — вскрытый саркофаг.

— Великий Птах! Как же так? Неделью назад здесь лежала груда сокровищ. Я хотел только помочь матери! Боги, как вы это допустили?

Он рухнул на колени, с трудом сдерживая слёзы, но не сумел. Солёная влага упала на холодные плиты. Юноша на шатающихся ногах побрёл, опираясь на стену. Он был рад, что Юба остался дома и не видел его маленького отчаяния.

Нахтмин выбрался наружу. Глаза, привыкшие к темноте, нашарили пустую полку, где в прошлый раз мирно почивала золотая чаша. Только сейчас он понял, что исчезла даже она. Та самая, которую они сочли бесполезной.

— Изверги, — тихо, словно нехотя выдавил он, — даже посудину забрали. Кто мог это сделать?

Он выскочил наружу и побежал так быстро, как никогда в жизни не бегал. Сердце кололось где-то в горле, мешало дышать. Нахтмин не стремился быстрее оказаться дома. Отнюдь. В эту минуту встреча с родными волновала его меньше всего. Просто он не нашёл иного способа справиться с трагедией. В голове крутились мысли, бешеные — одна страшнее другой. Всё упиралось в одно — как быть дальше?

Нахтмин согнулся пополам, пытаясь отдышаться. Голова кружилась. Он шёл спотыкаяющимся, неровным шагом. До дома оставалось совсем немного.

Юба ждал у калитки. Сидел на корточках, прислонившись к забору, и грыз соломинку. Увидев тревожное лицо брата, он вскочил. Юба искал мешок, но руки Нахтмина были пусты.

— Что случилось?

— Всё унесли, — ответил Нахтмин не своим голосом. — Подчистую.

— Как — всё?

— Тайник пустой. Утащили всё до последней монеты.

Юба раскрыл рот, схватился за голову и отвернулся. Он долго заламывал руки, стонал и взывал к краснеющим небесам. Затем уселся и, съёжившись, взлохматил волосы.

— Как же так... — прошептал он. — Там же было... на десять жизней...

— Было. Теперь и на один день нет.

Нахтмин присел рядом. Братья молчали. Откуда-то издалека доносилась ругань, лаяли собаки — жизнь продолжалась, равнодушная и чужая.

— Это Слёзы Осириса. Надо много золота! Что нам делать? — спросил Юба.

— Я не знаю.

Нахтмин поджал губы. Ему не хотелось владеть даже той проклятой чашей с картушем. Хотелось лишь перестать думать, чем завтра кормить своих.

— Кто это мог быть?

Нахтмин пожал плечами и произнёс:

— Это не случайные воры. Кто-то за нами следил. Знал, что делать. Просто так за дверь Птаха не пройти, а они — прошли. Да, и пол как-то вскрыли.

— Вряд ли мы об этом когда-нибудь узнаем. У мамы закончилось лекарство. Нужно что-то делать.

— В саду закопано золото. Завтра возьмём пару безделушек и пойдём к Кемону.

— Рано или поздно и оно закончится.

— Понимаю. Но сейчас даже думать об этом не хочу, — пробормотал Нахтмин.

— Может это тебе поднимет настроение. Ты должен знать... Кто-то принёс корзину с продуктами.

— Что значит «кто-то»? Ты был с матерью или дурака валял?

— Я же не буду бегать вокруг неё весь день, — прошипел Юба.

— Это Киниф. Больше некому. Хотя Исея говорила, будто он собирался в Хатти.

— Почему не хочет с нами встречаться?

— Совестно. Вот и лазит под покровом ночи.

Нахтмин проведal сестру, которая занималась на кухне; зашёл к матери — та напевала страшно исковерканную колыбельную. Он выпил, казалось, целый кувшин воды, заел лепешкой и уже было собрался в комнату, как Исея ему напомнила о кладовке.

Он на скорую руку соорудил запор под засов, закрылся и с большим трудом выбил его обратно. Нахтмин недовольно проверил работу и попытался исправить, но ничего не выходило. Ещё и Юба подначивал:

— Что, архитектор. Гвоздь не можешь забить?

— Чем зубоскалить лучше бы помог, — выпалил Нахтмин.

— У меня своих дел хватает.

Одному было несподручно, но Нахтмин всё же добился сносного результата — засов выбивался деревянным молотком, который он оставил в кладовке. *«Переделаю завтра, когда появятся силы»*, — подумал он. После отправился поближе к кровати.

Усталость морила. Он с удовольствием отдавался сну, но что-то не позволяло расслабиться. Упустив момент, Нахтмин просто глазел в потолок, злясь на Юбу, который бродил туда-сюда, будто бы намеренно топая ногами.

В полубреду Нахтмина захватила жажда крови. Раз за разом он ловил Кемона, потом Нактамона. После мчался за тенью неизвестного человека с факелом в тайнике; видел, как ломает ему пальцы. В своих фантазиях он не боялся пролить кровь, почитая это не за месть или расправу, а за вселенскую справедливость — за длань самой Маат. Чем сильнее надвигалась тьма, тем невероятнее становились картины расправы.

В такой летаргии он ворочался, произносил имена, и его пугала та легкость, с которой он представлял себя распорядителем чужих судеб. Утомлённый бессонницей, Нахтмин провалился в глубокий сон. Проснулся от первых солнечных лучей — разбитым и неотдохнувшим.

Он уселся на кровати, прокрутил в голове вчерашнее полуобморочное наваждение и посмеялся над собой. Он был далёк от насилия. Даже к забою скота относился с отвращением — жалость к животному боролась в нём с извечной потребностью человека в пище. А чтобы воткнуть нож в человека, ему казалось невысказанным и гадким.

Нахтмину пришла одна мысль, и он решил поделиться ею с братом.

— У нас и при жизни отца было немного друзей, а сейчас и вовсе туго. Как только мы познакомились с Кемоном, гробницу деда ограбили.

— Да ну? — усомнился Юба. — Как будто у него нет других занятий.

— Я не говорю, что это Кемон. Но он скупщик краденого. Может, чего и знает.

— Кстати, он предлагал работу.

— Что за работа?

— Он не уточнял. Вот и спросим.

После долгих обсуждений сошлись на одном — действовать обдуманно, осторожно и не допускать, чтобы Кемон заговорил им зубы.

— Запомни, — говорил Нахтмин, — он считает нас глупцами. Достаточно обшарить прилавки на чёрном рынке, чтобы понять, есть ли там вещи отца.

— Я ничего не помню. Это как искать белую соломинку в Ниле в сезон разлива.

— Я помню, как отец описывал некоторые вещи. Клейма, вес, иероглифы на ободках. Этого достаточно. Мы не узнаем всё. Но если увидим хоть что-то из того, что лежало у нас — сомнений не останется.

— Не слишком убедительно. Ну, найдём мы вещь. Что дальше?

Что дальше Нахтмин не придумал.

По пути они не заметили ничего подозрительного. Всюду они встречали одни и те же предметы — дешёвые копии великих святынь, укрытых в Долине царей. Оригиналы, как правило, лежали под прилавками.

Кемон был не один. Возле его лавки толкались подозрительные личности в дырявых одеждах. Один — тощий, сутулый; второй — плотный, с квадратной челюстью, похожий на

быка. Они о чём-то шептались с торговцем, постоянно оборачиваясь. У них в руках были наполненные мешки.

Нахтмин резко отвёл брата в тень соседнего прилавка.

— Это те, кто ограбил деда! Я уверен!

— Нахтмин, все мрачные личности с мешками теперь воры? Перестань! Тогда нам нужно посадить в царскую темницу весь рынок.

— Ритуал гаданий устраивать не будем. Видишь, у мешка выпирает предмет, похожий на фаллос.

— Ну?

— Похоже на позолоченный посох Птаха.

Нахтмин вспомнил вчерашний разгром — статуя была превращена в бесформенные камни, и посоха он там не видел. Он убеждал себя в этом.

— Или обычный глиняный кувшин, — возразил Юба.

— Подождём.

Они укрывались почти час. Солнце палило нещадно, но они не двигались. Приземистый торговец с чёрными впадинами глаз требовал, чтобы они убрались, но Нахтмин так сурово на него покосился, что тот больше ничего не спрашивал.

Они наблюдали, как два соратника Кемона пьют пиво из одного кувшина, хохочут над похабными шутками и приятельски хлопают торговца артефактами по плечу.

Наконец они ушли. Кемон остался один, по-прежнему посмеиваясь. Он сидел под навесом, перебирал какие-то безделушки и довольно улыбался — сыто, довольно, как кот, объевшийся сметаны. Торгаш исчез под прилавком и принялся тормозить мешки, вытаскивая принесённые предметы.

— Идём, — Нахтмин шагнул.

Кемон поднял тяжёлый взгляд и встрепенулся. Братья молча изучали прилавков, не находя ничего кроме безделушек. Ни одного намёка.

— Ты скупаешь краденое? — спросил Нахтмин.

— Прозвучало как оскорбление.

— Ты не из той породы людей, которые оскорбляются подобными вопросами. Я неправильно выразился. Тебе на днях не приносили погребального золота?

Кемон сунул руку под стол и вытащил всё, что поместилось в ладони. Там лежали серьги, кольца, цепочки.

— Что из этого? Парень, я не интересуюсь тем, кто и откуда тащит мне товар. Главное — сделка.

Юба склонился над кольцами, вспоминая, видел ли что-то похожее в гробнице Неферкары. Он с надеждой смотрел на Нахтмина, но тот тоже не помнил.

— Вы чего припёрлись? Если не пришли покупать, тогда пошли вон! Нечего тут выпытывать из меня что и как, — он забрал украшения у Юбы. — Думаете, я буду проверять, у кого это украли? Я меновщик, а не жрец богини Хатор.

— Мы пришли купить Слёз, — выпалил Нахтмин, вытаскивая золото деда.

Кемон покосился на предложенное и фыркнул.

— Могу накапать десять капель за твою безделицу.

— Не понял?

— Вы откуда упали? Неужели не слышали? Со вчерашнего дня всё перевернулось. Нет больше порции за пятьдесят монет. Теперь порция стоит почти двести.

— С чего вдруг?

— Никто не знает, какая вша укусила фараона, или Хоремба. Сет их разбери! Они решили покончить с торговцами опасных зелий. Особенно с продавцами Слёз.

— Разве это возможно?

— Не знаю, но это похоже на дурака, который пилит ветку, на которой сидит. Половина дворца на Слезах. Отними у них единственную радость — не взбунтуются ли? Им плевать, сколько они стоят, хоть тысячу монет за порцию.

— И как быть?

— Остались только самые стойкие и смелые. Те, которые Анубису продадут родную мать. Только они просят втридорога. Но и это ещё половина беды. Нужно их сначала разыскать. Рано или поздно я найду нового поставщика, но готовьте деньги. Много денег.

Нахтмин отвёл Юбу в сторону.

— Как думаешь, он нас дурит? Я ничего не слышал об облаве Хоремба.

— Может, потому что мы заняты другим? Было или не было — неважно. В любом случае, мы это не проверим. И у нас нет другого продавца.

— Зато есть пароль.

— Который теперь не работает, — отрезал Кемон. — Вы меня вообще слышали? Если прижали Филомена, страдать будут все.

— Кто такой Филомен? — спросил Юба.

— Филомен держал половину Слёз в Фивах. Но он сбежал. Всё намного хуже, чем вы можете себе представить.

— Ты говорил о какой-то работе, — напомнил Юба.

— А вот это уже серьёзный разговор, — встрепнулся Кемон. — Слыхали историю о Нюфрет? Дочурка царского глашатая. Умерла уже не помню, от чего. Отец так поник, что всё состояние угробил на похороны дочери.

— Угробил на похороны — хорошо звучит, — улыбнулся Юба.

— Какое она имеет отношение к работе? — нахмурился Нахтмин.

— Мы нашли её скальную гробницу. Она не тронута.

— Ты на что намекаешь? — у Нахтмина внутри похолодело. — Предлагаешь нам податься в чёрные гробокопатели? У нас всё не настолько плохо, чтобы я решился на *такое*.

— Что значит «податься»? — уточнил Кемон. — Думаешь, мне эти побрякушки, куски мумий с неба падают? Нужно засунуть гордость в одно место и своими ножками идти на дело. Говоришь всё не настолько плохо? Парни, да вы не в отчаянии, а в дерьме! В нынешних обстоятельствах вы заработаете всего на один флакон, без продыху горбатясь неделю на стройке храма. Ну, принёс ты сегодня своё золото? Сколько его у тебя ещё? А завтра что будешь делать?

— Ты предлагаешь грабить гробницы? — Нахтмину казалось, что это сон.

— Всё не так страшно, как говорят об этой профессии. Пойдёмте со мной, проверим, чего вы стоите. А там, может, и на настоящее дело вырвемся. На большие гробницы, где золота хватит на десять поколений.

— Если свяжемся с тобой, дальше своего колена не размножимся, — отрезал Нахтмин.

— Какой же ты недоверчивый, — бросил Кемон. — Малой, может ты ему растолкуешь?

— Почему бы не проверить? — прошептал Юба. — Терять уже нечего. Кто говорил, что надо брать у того, кто не обидится?

— То был дед. А тут чужой человек.

— Ну и моралист же ты, — бросил Кемон. — Осквернять гробницы плохо. Это даже я знаю! Но взять немного золота, чтобы прокормить семью — долг мужчины. Я этим не от хорошей жизни занимаюсь.

— Что здесь хорошее, так это твой слух! — сказал Нахтмин. — Какие условия?

— Продам Слёз на месяц по старой цене, после уж как-нибудь сами. К тому времени руку набьёте. Это ты сейчас строишь из себя недотрогу. Освоишься на новом месте и не пожелаешь идти на честную работу.

— Сладко поёшь, — насторожился Нахтмин. — Чую подвох.

— Никакого подвоха. Мне нужны люди. Другие не смогут, — бросил Кемон. — У них... руки не те. А вы — из той породы. Нужной. Сами ещё не понимаете, что подходите.

— Из породы Эйе! — произнёс Юба.

— Перед закатом солнца встречаемся у врат Бастет. Никому не попадитесь, идите в обход.

Он вручил флакон Слёз Осириса и забрал украшения. Нахтмин развернулся и пошёл прочь.

— Я с ним поговорю! — сказал Юба и побежал за братом.

— Вот и подобрались ключики, — пробормотал Кемон, глядя на удаляющуюся спину юнца.

Они отошли уже далеко, когда Нахтмин развернулся и двинулся на брата.

— Грабить гробницы? С ним? Ты серьёзно? Я когда у родного деда складывал монеты в мешок, чуть со стыда не сгорел.

— Я тебя не понимаю. Сначала ты меня подбиваешь на дело, а потом говоришь о стыде. Ты уж определись. Хорошо? Давай вернёмся к Кемону и скажем «нет». Ты видишь другой выход? Сам слышал, что цена взлетела до небес. Мы нигде не заработаем, даже если будем целыми днями трудиться, не есть и не спать.

Нахтмин понимал, что Юба прав во всём. Он и подумать не мог, что жизнь однажды поставит его перед таким выбором. Юба уже сделал его. Нахтмин всё ещё не мог.

— Это безумие! Это проклятое дело! Нас поймают — казнят, как отца! А если не поймают — проклянут боги! Ты знаешь, что говорят про расхитителей гробниц?

— Знаю... — ответил Юба. — Я всё знаю. Но что мы можем сделать?

— Даже если ради семьи я готов опуститься до брожения по усыпальницам, только не с Кемоном. Он с потрохами продаст нас Маахесу. Где гарантии, что начальник стражи не будет нас поджидать у врат Бастет?

— Он продал нам лекарства на месяц, — напомнил Юба. — У нас будет время подумать, принять решение. Мы же вроде с тобой не дураки.

Нахтмин отпрянул и решительно двинулся подальше от рынка. Юба поспешил за ним.

— Ну что, решил? Мы не будем касаться саркофагов. Золото в гробницах разбросано по полу. Нам этого вполне хватит.

— Это всё выдумки, — отмахнулся Нахтмин. — Мне кажется, я схожу с ума. Но мать умрёт, если мы ничего не сделаем. И я лучше сойду с ума, чем буду наблюдать, как она угасает. Она умрёт — я всё понимаю, это не изменить. Но я хочу, чтобы она умерла в трезвой памяти. Не как безумная.

Юба долго молчал, изучая утоптанную землю.

— Ты как хочешь, — добавил он. — Я пойду один. Тебя не тащу.

— Куда ты без меня? — улыбнулся Нахтмин и потрепал брата по голове. — Может, ты треплешь языком лучше меня, но обмочишься, едва переступишь порог святилища.

— Да я туда без факела зайду и выйду.

— Хорембу не хватает героев вроде тебя.

Юба вздохнул и понурил голову. На него нашло мимолетное озарение, которое он не смог удержать.

— Что? — спросил Нахтмин.

— Помнишь нашу клятву? Не дать Кемону заговорить нам зубы. По-моему, своей цели он добился.

Нахтмин достал пузырёк и потряс.

— Он нас не заговорил, а купил.

— Придётся сделать вид, что мы ему верим. А сами будем глядеть в оба.

Нахтмин кивнул.

— Ладно. Значит, на закате — у врат Бастет.

Песок Ахетатона хрустел под ногами. Пепи шёл в хвосте экспедиционной колонны, которую Мернептах снарядил под видом поисков золота для строительной деревни. Для всех Пепи был простым разнорабочим, но его глаза цепко выхватывали из пустынного ландшафта очертания древних стен, погребённых под толщей времени.

Доведённый до отчаяния, Пепи подался в искатели артефактов. После первой вылазки он месяц кормил семью, определил двух дочерей в школу, купил жене новые платья и украшения.

Во второй раз им снова повезло. Они наткнулись на семейную усыпальницу. Пепи угрюмо собирал ценности, стараясь не выделяться, но внутри всё кипело. Его не интересовали предметы древности как средство обмена. Он взирал на них с восхищением и считал посягательство на них — кощунством.

Договориться с совестью помог один из соратников. Тот достал мумию ребёнка и в безумном порыве пустился в пляс. Пепи ударил его первым, что попало под руку — серебряным кубком. Соратники не оценили шутку. Они крепко его избили и забрали масляную лампу. Запечатали вход в гробницу, оставив истекать кровью.

Солдаты нашли избитого, едва живого грабителя. Все беспорядки и надругательства над усопшими приписали ему. За такое полагалась смертная казнь без достойного погребения.

Слух о «белом гробокопателе» достиг ушей Нитокрис. Грабителей отлавливали каждый день, но этот человек с принципами заинтересовал царицу. Оказалось, что она смотрела на жизнь так же, как и Пепи.

Нитокрис тайно выкупила ему свободу. За дарованную жизнь он обязался делать то, о чём говорил: не грабить ценности, а спасать их. Царица оплачивала его жизнь, а он взамен по крупицам собирал информацию об утерянных святынях и артефактах. Несколько месяцев Нитокрис проверяла его, поручая мелкие задания.

Молчаливость и хладнокровие стали его оружием. Он больше не лез напролом. Теперь у него всегда был план, пути отхода и запасной выход на случай засады. Он научился читать стены: по характеру кладки определял, где ложный проход, а где настоящий.

Два года он бродил по гробницам, набирался знаний. В конце концов стал лучше придворных архитекторов разбираться в устройстве усыпальниц, с одного беглого взгляда определял эпоху постройки, династию, для кого готовили гробницу и какие предметы из неё украли.

И Пепи не обманул царицу. Он действительно спасал предметы искусства. В одной усыпальнице он нашёл забытый жрецами каноп с останками царского писца и доставил его в храм, где тот упокоился по праву. В другой раз заметил, что кладка над входом просела, и сообщил смотрителям, прежде чем свод рухнул и погреб под собой бесценные росписи. В третьей усыпальнице наткнулся на тайник с золотыми пластинами, исписанными древними гимнами. Он скопировал их на папирус, а пластины вернул туда, где они лежали веками.

Спасти всё он, к сожалению, не мог. Пепи стал глазами и ушами Нитокрис в скальных гробницах. Он отслеживал чёрных копателей, запоминал их лица, составлял карты схронов. Если в Долине появлялась новая шахта или пропадал ценный артефакт, Пепи узнавал об этом раньше начальника меджаев, ловко наводя солдат на цель. Он даже знал людей Маахеса: кто отпустит за взятку, а кто честен и отправит виновного в темницу.

Нитокрис верила, что именно Пепи однажды найдёт украшения Нефертити. Так, по крохам, он восстановил то, что жрецы Амона, сами того не понимая, пытались уничтожить: местоположение саркофага в проклятой столице.

В лавке антиквара, среди вороха поддельных амулетов, Пепи наткнулся на троицу канопов: человек, павиан и шакал. На дне каждого из сосудов сохранилась нестёртая печать: *«Дар Великой Царицы, да живёт она, для Храма Амона в Ахетатоне»*. Не доставало только канопы с соколиной головой.

Он отправился в гробницу жреца, чей род служил Атону ещё задолго до Эхнатона. Пепи уже был там раньше. Грабители вынесли всё — даже мумию. Но барельефы уцелели. Его интересовала поздняя вставка: жрецы Ахетатона зашифровали в камне, где скрыт сапфир. Они изобразили жрецов с головами сокола, стоящих под солнцем, и соколиный каноф в Ахетатоне. Каноф поместили в живот мумии — не в саркофаг, а за стену.

Жрецы Амона не могли уничтожить артефакт, даже если им пользовались еретики. Анкх Нефертити как часть сбруи Нармера был символом единой власти.

Когда Пепи увидел руины Ахетатона, он уже знал: нужно искать не золото под открытым небом, а погребальный комплекс. Из четырёх амфор грабители нашли только три. Четвёртый был спрятан внутри мумии.

Он отбился от основной группы, нырнул в один из боковых склепов, где находился спрятанный каноф. В полумраке, среди развороченных саркофагов, Пепи увидел голые стены. Растащили вообще всё. Грабители до сих пор не насытились золотом Ахетатона, два века вытаскивая богатства из песков.

Пепи начал простукивать стену. Он не сомневался в своей догадке. Найденный кем-то анкх, в скором времени объявился бы на прилавке или чьей-то белой груди. В углу, куда не попадал солнечный свет, кулак прощупал полость. Пепи достал молот и ровными ударами принялся отбивать стену. За базальтовой плитой его встретил гранит. Потратив несколько часов и изрядно взмокнув, он добрался до саркофага.

Он снял крышку. Его встретила мумия с накладной маской. Пепи достал нож и аккуратно начал разрезать бинты. Под слоями ткани не оказалось ничего — ни канопа, ни тайника. Только высохшие останки. Как назло, чутьё его подвело.

Пепи сжал руки, сдержав рычание. Он на мгновение подумал, что ошибся и все годы поисков были напрасны.

— В стене может быть не одна мумия, — заключил он.

Пепи принялся изучать стены, выискивая отличающиеся швы. В одном месте кладка показалась ему слишком ровной для древней гробницы. Он понимал: если и здесь пусто, придётся возвращаться в Фивы и искать новые подсказки. Пепи ударил по стене.

Спустя два часа кропотливой работы, поиски увенчались успехом — он нашёл новый саркофаг. На нём будто бы был стёртый картуш. На миг его посетила безумная мысль: а вдруг именно здесь покоится жрец Сехем-Атон?

С большим трудом он открыл крышку и надрезал живот. Блеснул алебастр. Пепи аккуратно поддел его, чтобы не повредить, и вытащил. Он скovyрнул вековую смолу и вытряхнул содержимое. Под слоем пыли и свернувшегося мумифицированного кишечника что-то блеснуло. Луч солнца, пробившийся сквозь трещину в своде, упал на манящую лазурь.

Он вытащил анкх. Камень обжёг пальцы холодом. Пепи не молился, не благодарил богов. Он лишь улыбнулся, пряча находку за пазуху. Пепи закрыл саркофаг, жалея, что не может вернуть покой неизвестному человеку, скорее всего, жрецу. Бегло окинул расхищенное помещение и направился к выходу.

Он не стал ждать, когда люди Мернептахы обойдут затерянный город, и поспешил в Фивы.

ЧАСТЬ II Золотая дверь

Глава 5

У врат, ведущих к Долине царей жизнь была ключом. Нахтмин с Юбой пришли первыми и спрятались за колоннами в паре десятков локтей от ворот Бастет, кошачьей богини. С замиранием сердца они стояли в ожидании появления Маахеса, Хоремба, Мернептаха или самого Сета в компании Анубиса. Но врагов — или тех, кого они записали во враги — не было. Сновали рабочие, которые возвращались с Долины царей и весело обсуждали, чем займутся вечером; дети играли в мяч, раздавалась ругань недовольных матерей.

Египет делился на две категории людей: тех, кто готовился к смерти как к избавлению от земных тягот, и тех, кто с торжеством мчался к ней с самого рождения. Издавна в этой стране большинство трудилось во имя смерти. Жрецы, бальзамировщики, плакальщицы, мастера росписи — эти профессии почитались наравне с военными. А работать в Долине, где день за днём в скалах вырубали гробницы для вельмож и богачей, считалось делом почётным.

Нахтмин наблюдал за каменотесами и зодчими, строившими дома для мёртвых, и думал: они готовят вечное пристанище тем, кто щедро оплатит их труд. У него же нет ни гробницы, ни саркофага, ни даже намёка на достойное погребение — гробницы родителей отобрал фараон.

«Придавит сегодня камнем в погребальной камере — и не придётся думать, чем кормить семью», — промелькнуло в голове.

Он подумал, что это его совсем не пугает. Страшило, что имя сотрут из памяти, и никто не произнесёт вслух, когда он в ладье уплывёт на запад. Нахтмин пощупал заткнутый за пояс ассирийский кинжал, немного успокоившись.

Опускалась тьма. Солнечный диск уходил за горизонт, напоследок озарив верхнюю кромку зелёной вспышкой. Братья всматривались в темноту, которая выползала из-за скал, как живая. Юба кусал губы, тербил край схенти. Нахтмин стоял за братом, провожая удаляющиеся силуэты людей. В груди колотилось так, что, казалось, в Долине эхо разносит каждый удар. Нахтмин положил руку на плечо Юбы — хотел успокоить, но тот от напряжения подпрыгнул, жестами отругав брата.

Кемон появился бесшумно — будто вышел из скалы. За ним семенил тандем спутников: один крупный, второй на голову ниже. Имён никто не назвал, но тот, что пониже, улыбнулся братьям.

— Пришли? — Кемон кивнул, окинул братьев цепкими глазами-скарабеями.

— Удивлён? — с вызовом бросил Юба.

— Когда припрёт, жизнь и не такое заставит сделать. Верно? Маахеса не видать?

— Ни его, ни солдат, — сказал Нахтмин.

— Плохо. Значит, не возвращались...

— Днюют и ночуют в Долине, — сказал крупный мужчина.

— Но иначе нельзя, — ответил Кемон. — Раз уж мы нашлись, теперь можно обойтись и без лампы. Никакого огня. Идём молча шаг в шаг. Понятно?

Братья кивнули. Компания прошла через ворота и, свернув с дороги, окольными путями двинулась вглубь Долины.

Тьма стучалась с каждым шагом. Луна ещё не взошла, звёзды прятались за тонкой пеленой облаков, и скоро стало так темно, что Нахтмин перестал различать даже спину впереди идущего. Только слышал шорох песка под ногами и своё чрезмерно громкое сопение в этой тишине.

Долина спала. Как спят только мёртвые — без снов, без звуков, без движения. Юба ёжился, мечтая спрятаться от собственного страха. Нахтмин держался увереннее, стараясь подбодрить брата. Он уже был здесь трижды — и все три раза отец брал его на погребальные церемонии сыновей фараона. Тогда здесь было шумно, многолюдно, жрецы пели, плакальщицы рыдали. *«Их сгубили дурные привычки»*, — говорил отец. Нахтмин тогда не придавал значения этим словам. Только познакомившись с бордовой переливающейся жидкостью во флаконе, до него дошло истинное значение слов отца.

После этого маленького озарения Долина показалась ему настоящей — такой, какой её задумали боги. Обителью мёртвых, куда живым вход заказан.

Кемон предстал с другой стороны. Это не был тот лукавый торгаш с размазанной на виске сурьмой. Он возглавлял процессию, шагал по тёмным уступам, полагаясь на память и мелкую звёздную сыпь, едва-едва проступающую на небе.

— Сейчас стражники пойдут, — шепнул Кемон, хотя шёпот в этой тишине прозвучал как крик. — Идём не торопясь. Если кто чихнёт — голову оторву.

Они свернули с тропы, затаённо прижались к скале. Камень дышал теплом, впитанным от солнца, от него тянуло уютом и защищённостью. Когда они тронулись, Юба ещё какое-то время вжимался в камень, не желая уходить. Едва увидел, что силуэты потихоньку начали растворяться во мраке, бросился следом и споткнулся. Приземистый мужчина подхватил его, зажал рот рукой. Юба часто дышал, прерывистое дыхание вырывалось сквозь пальцы.

— Благодарю! — прошептал он.

В темноте он увидел скупую улыбку. Мужчина потрепал Юбу и подтолкнул, замыкая колонну.

Вдалеке замаячили огни. Вскоре неподалёку от них прошла колонна — два десятка солдат в полном вооружении. Шли ровно, чеканя шаг, но песок глушил звуки, делал их движение почти беззвучным. Впереди, с факелом шагал человек в немесе не по размеру.

Свет разгонял тьму, выхватывая из неё лица солдат, наконечники копий, пряжки на поясах. На миг предводитель процессии приблизил факел к себе, и свет упал на его лицо — суровое, изрезанное глубокими морщинами, с тяжёлой квадратной челюстью, будто высеченной из гранитного блока, и глазами, которые, казалось, видели в темноте лучше, чем при свете.

— Маахес. Начальник над меджаями, — выдохнул Юба, когда колонна скрылась за поворотом и огни растаяли во тьме. — Никогда его не любил.

Спутники Кемона посмеялись.

— Ну, ты и выдал, малец, — сказал мужчина, который ему помог. — Не знаю ни одного человека в Фивах, который бы любил Маахеса. Добрая половина города желает ему смерти.

— А что будет, если нас схватят? — спросил поёжившийся Юба.

— По закону вору отрубает руку, а вот Маахес, — Кемон осклабился. — Отрубает сразу две. Мне нравится этот парень. Благодаря ему в Долине стало меньше разгильдяев.

— Меньше разгильдяев — больше золота, — пробасил здоровяк.

— За последний год он поймал человек двадцать, — сказал Кемон.

— Сто двадцать, — поправил крупный.

— Почему же мы тогда идём? — спросил Юба.

— Потому что Маахес неглуп, — Кемон усмехнулся. — А умные люди в темноте всегда ходят одной дорогой, чтобы не заплутать. Он свою уже прошёл. Теперь у нас есть время.

Они немного подождали, считая удары сердца. Потом двинулись дальше.

Гробницу нашли не сразу. Кемон долго изучал скалы, трогал камни, пока не нащупал едва заметный выступ. Наконец остановился у отвесной стены, на которой при слабом лунном свете смутно угадывались древние иероглифы. Нахтмин с удовольствием бы их прочёл, но сейчас, в свою первую вылазку, боялся совершить любой необдуманный шаг.

Напарники Кемона полезли вверх по почти невидимым выступам. Лезли медленно, по-кошачьи цепляясь за камни. Спустя несколько минут сверху упала верёвка.

— Куда они полезли? Вход же перед нами! — произнёс Нахтмин.

— Ты же вроде архитектор?

— Я такого не говорил! — наострился юноша.

— Вход запечатан гранитной пробкой, — Кемон поводил рукой по выбоинам. — Не мы одни пытались туда пролезть. Настоящий вход есть, но он выше. Лезьте. Старшой, ползи первым.

Нахтмин полез, думая о необычайной осведомлённости Кемона. Знал об увлечениях, тайных ходах — обо всём. При свете дня он не проявлял такой смекалки.

Руки скользили по верёвке, ноги искали опору на отвесной скале. Он не смотрел вниз — там была только тьма, и от этой мысли кружилась голова. Наверху, на небольшом уступе, зиял чёрный провал — вход в гробницу.

Юба лез следом, то и дело всхлипывая от страха. Нахтмин слышал его дыхание и думал: *«только бы не сорвался, только бы не сорвался»*.

Но Юба не сорвался. Он выполз на уступ, тяжело дыша, и уткнулся лбом в холодный камень. Нахтмин увидел вдали маленькие огоньки. То были костры у гробницы Мернейт — жены Хоремба. Единственное охраняемое место в Долине царей.

— Огонь! — сказал один из мужчин и достал два факела.

Кемон нащупал в мешочке кремь и кусок пирита. С третьего удара высек искру, и трут задымился.

— А нам? — спросил Юба.

— Хочешь, чтобы мы задохнулись?

Кемон подошёл к стене и осветил надпись. Он повернулся к Нахтмину.

— Ты сын визира и должен знать, что здесь написано.

Мужчина осветил иероглифы над входом. Нахтмин, лучше всех окончивший школу писцов, зацепился за знакомые символы и без труда их прочёл.

— *Нофрет, дочь Катимора, чья душа вознеслась к звёздам прежде, чем расцвёл её сад. Осирис да примет её в свои чертоги.*

— Да примет нас Осирис и отпустит обратно, — сказал здоровяк, поглядывая оценили ли юмор присутствующие.

Они прошли через полураскрытую дверь. Внутри пахло сыростью, тленом и ещё чем-то сладковатым, приторным — таким тяжёлым запахом, что он оседал на языке, проникал в горло, заставлял желудок сжиматься.

— Что это за запах? — спросил Юба, морщась.

— Смерть, малыш, — Кемон зажёл второй факел, и тьма отступила в углы, но нехотя, будто не желая открывать свои тайны.

— Гробницы, которым больше сотни лет, так не пахнут, — возразил Нахтмин.

— Кто сказал, что в этой обители только вековые мертвецы? — оскалился Кемон.

Его напарник хмыкнул, но смех вышел нервным, тут же затих в духоте коридора. Второй с улыбкой косился на своих клеветников, иногда посматривая на братьев. Он казался лишним в этой троице. От него не веяло агрессией, в отличие от остальных.

Они двинулись по коридору. Стены были расписаны в типичной гробничной манере — сцены потусторонней жизни, боги и люди; ладья, плывущая в царство мёртвых. Анубис взвешивал сердце на весах истины, Тот записывал результат, Осирис восседал на троне в окружении судей. Нарисованные фигуры, казалось, следили за ними, поворачивались вслед, хотя краски давно застыли на камне, отколупались и утратили цвет.

Нахтмин чувствовал, как сдавливает горло. Он не боялся покойников — только тех, кого запечатлели на стенах. В своём мире, в своих красках они существовали и наблюдали за непрощёнными гостями, норовя закрыть за ними дверь.

Юба шёл последним и тряся так, что стучали зубы. От усилившегося запаха тлена мутило. Кемон заметил, что младшему стало совсем худо. Ему было одновременно потешно и жалко смотреть на него. Он вспомнил, как его собственный брат впервые затащил его в гробницу, когда ему не было и восьми.

— Эй, малец, ты мне тут всю тишину испортишь, — Кемон сунул руку под одежду, вытащил глиняную бутылочку, запечатанную тёмным воском. — На, глотни.

— Что это? — Юба отшатнулся.

— Лекарство для больной, которое я расточаю на здорового, — Кемон усмехнулся. — Одну каплю твоя мать не заметит. Зато ты перестанешь дрожать, как шакал на холоде. Давай, не бойся. Ничего с тобой не случится. Сам пользовался, когда было страшно.

— А теперь не страшно?

— Всякое бывает, но мы пьём эту прелесть по другим причинам. Пей, пока не обмочил схенти!

Юба провожал удаляющуюся спину брата, не зная, что делать. Потом принял бутылочку, отковырнул воск и глотнул. Жидкость обожгла горло горьким, тяжёлым вкусом. Слёзы были такими густыми, что, казалось, их можно жевать. Юба закашлялся, вытер слёзы, шумно выдохнул.

А через пару минут стало легче, через пять — он улыбался. Жуткий запах уже не казался таковым, тьма не страшила, спутники Кемона не вызывали отвращения.

— Страх прошёл? — Кемон хлопнул его по плечу. — Я же говорил, что ничего не случится.

— Будто и не было! — Юба улыбнулся шире. — Совсем. Так легко стало.

— То-то. Теперь все в строю. Пошли работать.

Они двинулись дальше. Юба теперь шёл впереди, и в его походке чувствовалась уверенность, которой минуту назад не было.

Нахтмин с беспокойством посматривал на брата и не понимал, что за метаморфоза произошла с ним. Но спросить не довелось — в нос ударил мерзостный запах гнили.

За поворотом распласталось тело, придавленное массивным камнем. Живот лопнул, внутренности вперемешку валялись на полу. От трупа растекалась мерзкая лужа. Воздух стоял такой, что Нахтмина вывернуло ещё до того, как он успел зажать нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.